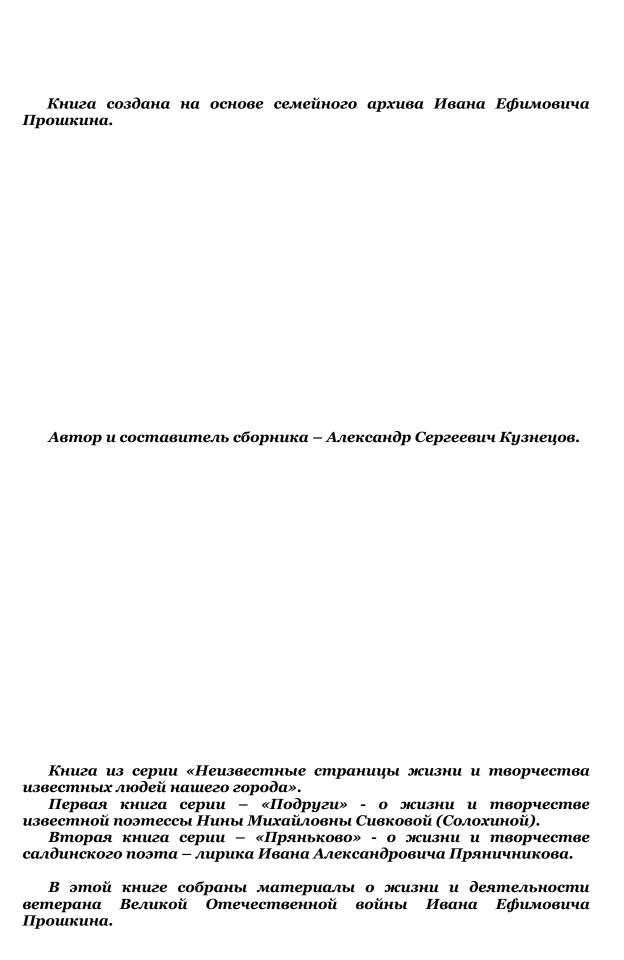
Александр Сергеевич КУЗНЕЦОВ

ИВАН ЕФИМОВИЧ ПРОШКИН

И

ЕГО РАССКАЗЫ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Кто в нашем городе не знает Ивана Ефимовича Прошкина?! Его знают все! Ветеран Великой Отечественной войны, капитан, настоящий «окопник» - действительный участник боевых действий во время войны, председатель совета ветеранов Отечественной войны ВСМПО, член президиума городского совета ветеранов, непременный участник всех ветеранских мероприятий и встреч со школьниками и молодежью города.

Пожалуй, я один только не знал его, так – как приехал в Верхнюю Салду в 2001 году.

Но, как – то, на одном из ветеранских мероприятий, мы оказались с ним за одним столом. Иван Ефимович держал в руках чашку чая и говорил. Он - говорил, я – слушал. Он – говорил, я – слушал.

Мы просидели за столом 6 часов, но рассказ Иван Ефимович о себе так и не закончил. Столько скопилось у него впечатлений за его долгую и сложную жизнь.

Прошло время. На очередном ветеранском мероприятии мы вновь встретились: «А, что, Иван Ефимович, не зафиксировать ли нам ваш рассказ о себе в книге?!» - «Так, я кто такой, чтобы обо мне книги писать?» - «А я и не буду книгу о вас писать. Я только ваши рассказы перепечатаю». - «Ну, если так...»

Так родилась эта книга.

А.С.Кузнецов

Иван Ефимович ПРОШКИН

Здравствуйте, дорогие мои родственники! Здравствуйте, дорогие мои ребята! Здравствуйте все, кто возьмет эту книгу в руки!

Время скоротечно. Вот и мне уже 85 лет. Я прожил большую, тяжелую, но хорошую жизнь. Ничего выдающего в этой жизни я, кажется, и не сделал. Надо было учиться — учился! Надо было воевать — воевал! Надо было работать — работал! Но, в этом, как я понимаю, и весь интерес жизни. Как учился? Как воевал? Как работал? Соответствовал ли времени?

Я – простой человек, и рассказы мои простые. Моя биография, это биографии многих сегодняшних дедушек и бабушек, а, может уже, и прадедушек и прабабушек. Все мы жили в то время, которое сейчас уже не вернешь. Вот поэтому я и рассказываю о себе, о своем времени, чтобы напомнить вам, молодым, что было и другое время, что были и другие люди, которые прокладывали жизненные дороги вам. Этих людей надо помнить и уважать их.

Ну, с Богом! Слушайте, точнее читайте ...

И.Е.Прошкин

ДЕТСТВО.

Я родился 27 мая1925 года в станице Петропавловка Темигорьевского района Краснодарского края.

Мои родители: отец - Прошкин Ефим Матвеевич, был станичным плотником, строил дома и столярничал, мать — Анна Акимовна, работала в колхозе.

В нашей семье было еще две сестры – Валентина, 1926 года рождения, работала лаборантом на элеваторе, и Надежда, 1930 года рождения, работала полеводом в колхозе.

К станице Петропавловка примыкала железнодорожная станция Лог, через которую проходила железная дорога Москва – Сталинград.

В 15 километрах от станицы текла река Дон.

Когда мне исполнилось 9 лет, я пошел в Петропавловскую неполную среднюю школу.

Учился я хорошо. Быстро все запоминал, участвовал во всех школьных мероприятиях. Поэтому, когда я заканчивал 7-й класс, то надеялся, что мне, как хорошему ученику, дадут Похвальную грамоту. Но Грамоту дали моему другу – Саше Воронину, а меня только устно похвалили за добросовестное отношение к учебе.

В 1941 году я окончил 7 классов. У меня была большая мечта учиться дальше, чтобы потом поступить в военное училище и стать офицером.

Возможность такая была и мы с Сашей Ворониным сдали документы в Рыбинское авиационное училище. Уже представляя, как мы будем осваивать авиационную технику, мы пока отдыхали в ожидании вызова в училище.

Родители наши, переживая скорую разлуку с детьми, не загружали нас домашней работой. А мы и радовались. Играли в городки, гоняли тряпичный мяч и ходили купаться на Дон.

Через нашу станцию все чаще стали проходить военные эшелоны на Запад, но никакой тревоги, ни у взрослых, ни, тем более, у нас, это не вызвало. Хотя разговоры о возможной войне с Германией были.

21 июня 1941 года стояла теплая солнечная погода. Мы с ребятами ушли на ночь на Дон, на рыбалку. Несмотря на тихую и теплую ночь, клева не было. Нам рыбалка вскоре наскучила и мы, когда уже поднялось солнце, пошли домой.

На станции, почему-то, весь народ стол кучками на улице. Кто-то бегал, кого-то звали.

Нас дома тоже с нетерпением ждали. Только я переступил порог, как мать бросилась мне на шею и, плача, прокричала: «Ваня! Война!»

Она первая сказала мне, что началась война.

ИЗ СЕМЕЙНОГО ФОТОАЛЬБОМА

1941 год. В 7 классе с друзьями -Володей и Дмитрием Мансковыми.

1954 год. Мать Ивана Ефимовича Анна Акимовна дочерью Валентиной и зятем Михаилом.

Седьмой класс станции Лог Краснодарского края. Выпуск 1941 года.

начало войны

К вечеру все село совсем переполошилось. Повсюду слышались крики, причитания, плач. Собирали мужчинам котомки и все необходимое для отправки в армию. Призывали практически всех мужчин, за исключением нескольких человек, отставленных от призыва по брони.

Вечером всех взрослых собрали в Доме культуры. Пошли и мы — подростки. Начался митинг. Говорили о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Выступающих было много. Все были возбуждены, настроены воинственно. Выступающие выкрикивали: «Били германца в Первую империалистическую, и сейчас побьем!», «Мы покажем ему где раки зимуют. Куда фашист полез? На кого? На Россию?!»

Настроение у всех было такое, что никому не хотелось уходить из Дома культуры.

В следующие дни началась мобилизация населения и отправка на фронт. Очень тяжело было даже выходить на улицу, вокруг крики и плач.

Нас 16 – 17 летних подростков тоже вызвали в военкомат. Нам объяснили, что мы уже допризывники и обязаны начать изучение военного дела.

Так война перечеркнула все наши детские планы. Мы как-то сразу повзрослели и поняли, что нам теперь надо заменять взрослых во всем и, прежде всего, надо становиться на их рабочие места.

Я пошел работать в полеводческую бригаду. Наравне со взрослыми женщинами косил на косилке хлеба, копнил, скирдовал, молотил и т.д. Сразу всему научился.

Но вот наступил сентябрь. Я пошел учиться в 8 класс.

Но учеба как-то не пошла. Сам видел, как тяжело вокруг стало. Работы много, а работать не кому. Тогда я решил поступить на курсы трактористов.

Трактористов обучали на МТС (машино - тракторная станция), были такие механизированные объединения при колхозах в то время. Уже в декабре 1941 года я получил права тракториста. Первая моя работа на МТС начиналась с ремонта тракторов. Позже за мной и моим товарищем закрепили колесный трактор ХТЗ (Харьковский тракторный завод) и, начиная с весны 1942 года, мы на своем тракторе уже приступили к полевым работам: пахали поля, сеяли хлеб, культивировали землю и т.д.

Было очень трудно. Мы по нескольку дней не ходили домой, хотя до дома было 2 – 3 километра. Работали день и ночь. Тракторы не выдерживали такой нагрузки, нужно было постоянно подтягивать подшипники.

В конце лета приступили к уборке урожая.

Фронт к этому времени на нашем направлении уже подвинулся к Дону, а южнее – и к Волге. К Сталинграду. Сталинград и железную дорогу бомбили днем и ночью. Нашу станцию пока не бомбили. Мы, хотя и ждали бомбежки, но вели свою битву – за урожай. Главное для нас было – собрать хлеб.

Кроме того, нас допризывников, каждую свободную минуту учили военному делу. Нам говорили, что мы должны в совершенстве владеть любым видом стрелкового оружия, так как не исключена вероятность, что мы прямо с трактора можем пойти в бой. И мы учились. Убирали хлеб и учились воевать.

Линия фронта была уже в 15 километрах от нашего поселка.

Наступило 20 июля 1942 года.

Как всегда, я тащил на своем тракторе XT3 по хлебному полю комбайн «Коммунар», который косил и молотил рожь. Загоны у нас были большими и мы в смену успевали сделать только 5 – 6 кругов. После обеда на 4-м круге мы остановились у полеводческого стана, чтобы сделать очередную профилактику машинам и заправить их горючим. Вдруг, в небе со стороны Сталинграда появилась большая группа самолетов. Я насчитал в группе 32 самолета.

Мы и раньше видели издалека немецкие самолеты, но они как-то обходили нас стороной. А эта группа явно шла на нашу железнодорожную станцию.

Нас на поле было человек 15. Все мы замерли в ожидании, что будет дальше. Самолеты развернулись и начали пикировать на станцию.

Мы бросились бежать к своим домам. На бегу каждый почти причитал, что бомбят именно его дом, а там дети, старики.

Я бежал молча, но знал, что нашему дому не сдобровать, его обязательно разбомбят. Дело в том, что на станции, еще до войны, построили новую нефтебазу. Пять хозяйств, в том числе и наше, оказались в опасной зоне. Нам предложили переехать в другое место, но куда поедешь. Так и жили мы в доме, стоявшем в 50 метрах от забора нефтебазы и в 120 метрах от железной дороги, между стрелкой и семафором.

Немцы отбомбились и улетели. Странно, хотя по ним никто не стрелял, они не поразили ни одну емкость нефтебазы. Весь бомбовый груз они сбросили на жилые дома и воинский эшелон, который стоял на подходе к станции.

Еще, не добежав до дома, я увидел страшную картину: горят все пять наших домов, горят вагоны. Я не знал, что делать. Никого из родственников нет. Хотя дома оставались отец, мать и две сестры – Валя и Надя.

Один раз я только мог вбежать в свой дом, схватить что-то в охапку и вынести. Второго раза уже не получилось. Дом быстро сгорел.

Видя, что дом и имущество спасать уже бесполезно, я стал искать свою семью.

За курятником я нашел своего отца. Отец был уже не молодым, ему было 63 года. В Гражданскую войну он воевал в бригаде Кочубея, состоящей в армии Сорокина. Опыт войны у него был. Услышав вой пикирующих самолетов и летящих вниз бомб, он бросился на землю за курятником. Бомба упала по другую сторону курятника, и отца засыпало землей. Я увидел его ноги, торчащие из кучи земли, потянул его за ноги и отец встал. Постоял, отряхнулся и сказал: «В Гражданскую войну такого не бывало!»

Потом я нашел мать. Она лежала в огороде, между двумя воронками от бомб. Неподалеку от нее валялись ведра. Она очнулась, долго не могла ничего сказать и только потом рассказала, что она ходила за водой, видела подлетающие самолеты и падающие бомбы, но подумала, что это парашютисты. Она поставила ведра, приставила ладонь к глазам и стала смотреть на парашютистов. И только когда раздался визг летящих бомб, она упала на землю.

Мы долго приводили мать в чувство, так как ее сильно контузило. После она долго болела и, даже после войны, жаловалась, что взрывами бомб у нее что-то внутри отбило.

Потом прибежала 16-ти летняя сестра Валя. Она во время налета была в доме и вышла из него, услышав топот бегущих от воинского эшелона солдат. С ними она и убежала из зоны бомбежки и успела спрятаться в овраге.

Вдвоем с сестрой мы стали искать младшую – Надю. В момент налета они с соседской девочкой играли в канаве, кораблики пускал. Да там и лежали всю бомбежку, прижавшись друг к другу.

После того, когда все отыскались, встал вопрос, а что дальше делать. Дома нет, корова убита. К тому же возможна новая бомбардировка.

Отец у нас и так был больной, а сейчас и совсем слег. Мать - плохая. Мы с сестрой на тачке отвезли отца и мать в овраг, метров на 300 от дома. Пособирали, что смогли найти. А потом, вместе с другими жителями, ушли от фронта километров за 25, в другое село.

Кое-как обустроились, и я пошел работать в колхоз «Имени Ленина». Сначала я работал на разных сельскохозяйственных работах, а потом мне поручили обучать молодых бычков и быков, ранее не бывавших в ярме. Оказалось, что это была очень трудная работа, но я, все – таки, обучил 8 пар.

Подошла осень. Начались дожди, а потом и холода. Меня назначили бригадиром по вывозке и сдаче хлеба государству. Это была очень трудная, ответственная и опасная работа.

Трудность заключалась в том, что вывозить надо было на быках. Не поспешишь. Ездовыми были подростки и женщины. Дорога проселочная,

разбитая, а ездить можно только ночью. Мы выезжали с таким расчетом, чтобы к месту назначения приехать на рассвете. Расстояние – 22 километра.

Наш обоз состоял из 12-15 подвод. Подводы мы нагружали неполными мешками, потому, что у нас не было мужиков полные мешки поднимать, и разгружать надо было очень быстро.

Опасность заключалась в том, что с рассветом появлялись немецкие самолеты. Которые обстреливали даже одиночные подводы, не говоря уже об обозах.

Станция, где мы сдавали зерно, была полевая. То есть, никаких зданий там не было. Стоял вагон с трапами, по которым мы бегали и ссыпали зерно в вагон. Нас сразу предупредили, что немцы будут нас обстреливать и даже бомбить, поэтому мы должны успевать разгрузить обоз до рассвета.

Весь обоз у нас оставался в лесу, в 200 метрах от вагона, а потом мы подгоняли по 2-3 подводы, разгружали их и подгоняли следующие. Работали конвеером, а подгонял нас страх.

По крику наблюдателя – «Самолеты!» - мы бросали все и разбегались по полю.

Не знаю, сколько мы рейсов сделали всего, но редко когда разгрузка проходила без налета фашистских самолетов.

Помню, когда мы поехали в первый раз, страшно было. Но молодость брала свое, все подшучивали друг над другом, подбадривали себя. Приехали к станции благополучно. Видим, стоит вагон. Мы две подводы к нему подогнали, остальные оставили в лесу. Стали разгружать. Работа шла быстро. Через каждые 10 – 15 минут, подгоняли новую подводу. Вдруг, крик наблюдателя – «Самолеты!» Мы врассыпную, в степь. А степь ровная, чистая, ни одного бугорка, ни одной ямки. Спрятаться негде. Девчонки в белых платьях, не скроешься. А самолет выпустил шасси и на бреющем полете начал стрелять по нам из пулемета. Уж очень страшно было. Боялись, что либо он тебя застрелит, либо раздавит колесами. Я даже видел лицо фашистского летчика.

Никого он в тот раз не убил. Фашист улетел, а мы собрались у своих подвод. Рады, что все живы. У самих от страха все еще поджилки трясутся, а все рассказывают друг другу, как немецкий летчик стрелял только в него и гонялся только за ним. А когда обнаружилось, что у всех от страха все еще зубы щелкают, все стали хохотать. Такой хохот стоял, что долго потом успокоиться не могли.

И только, когда все уже успокоились, почти каждый сказал: «Нет, я больше с подводой не поеду. Пусть другие едут!» А, кто – другие? Мы же и поехали. Правда, больше парней допризывников с нами посылать стали.

Первый налет фашистского самолета научил нас уму – разуму. Мы отрыли в степи вокруг вагона несколько окопов и щелей, и теперь уж не так боялись очередных налетов немецкой авиации на нас. На железнодорожной ветке стали ставить по три – четыре вагона. Немцы налетали на полустанок, но не всегда бомбили, так как не знали, в какой вагон будет вестись загрузка зерна.

Но, несмотря на все принятые меры, мы, все же, потеряли 7 быков, 3 подводы и 4-х ездовых. Хлеб, подготовленный для сдачи государству, мы вывезли и сдали весь.

К моменту сосредоточения наших войск для решительного наступления наших войск на группировку немцев под Сталинградом, нас – допризывников, вывезли за Волгу в город Дубовня. Через некоторое время нас отпустили по своим районам. Дома обрадовались моему возвращению, так как думали, что меня уже взяли на фронт.

Однако, дома я был недолго. В конце ноября меня снова призвали на комиссию в военкомат. К нам обратился военком и спросил, есть ли среди нас желающие добровольно пойти служить в армию? Многие дали свое согласие, но взяли не всех.

Я написал два заявления. Первое – военкому, с просьбой взять меня на фронт, бить фашистов. Второе – в горком комсомола, с просьбой принять меня в комсомол.

Лишь через несколько дней меня вновь призвали в военкомат. Я не думал, что меня сразу возьмут в армию, поэтому даже не попрощался со всеми.

Меня призвали в армию, и стал красноармейцем запасного стрелкового полка.

Красноармейцы.

Я – КРАСНОАРМЕЕЦ.

Итак, меня определили в запасной стрелковый полк. А потом отправили учиться в Отдельный учебный полк Приволжского военного округа.

С тех пор прошло 60 с лишним лет, а я все не позабуду, как нас учили в учебном полку.

Я был зачислен в Отдельный учебный взвод. Взвод располагался отдельно от всего личного состава полка. Командование взвода было очень требовательно с нами, но справедливо. Нам казалось, что командир взвода относится к нам чересчур строго. Только потом, на фронте, я с благодарностью вспоминал своих командиров. Они научили нас не бояться трудностей, быстро копать окопы, при необходимости, бросаться в холодную воду, быть грамотным и смекалистым в бою. После, я был свидетелем того, как люди гибли из-за своей нерасторопности, незнания или пренебрежения к некоторым элементам боя.

Война – очень строгий экзаменатор, и за неумение вести себя в бою, люди рассчитываются своими жизнями.

В конце ноября 1943 года нас построили в последний раз. Командование полка поблагодарило нас за успешную учебу и сообщило нам, что теперь те знания, которые мы получили в учебном полку, мы должны продемонстрировать на деле.

Нас посадили в вагоны, паровоз дал длинный гудок, и эшелон двинулся на Запад.

Нам не говорили, куда мы едем, но все и так догадывались, что мы едем на войну. Настроение у всех было приподнятое. Ехали с песнями и плясками до Воронежа. А потом увидели следы недавних боев.

Паровоз медленно, очень медленно тащил нас через временный деревянный мост. Переехали Дон и остановились. Рядом валялись взорванные остатки моста. По обе стороны дороги, нагромоздившись друг на друга, лежали сгоревшие и искореженные вагоны. Кругом воронки от бомб и выгоревшая до черноты земля.

Все мы как-то сразу посерьезнели, притихли. Меньше стало шуток и смеха.

Ночью въехали в Харьков. Вокруг все разрушено, пылают пожары. Немцы при отступлении жгли и разрушали все, что можно было сжечь и разрушить.

Чем ближе мы приближались к фронту, тем больше было разрушений и пожаров.

В начале декабря приехали на конечную станцию, в город Козельск, севернее Киева.

Мы вошли в состав 3-й гвардейской воздушно – десантной дивизии, которая стояла здесь на доформировании. Нам рассказали, что в последнее время дивизия участвовала в боях за Киев, Белую Церковь и Житомир, понесла большие потери и сразу после пополнения личным составом и техникой, снова вступит в бои.

Дивизия формировалась быстрыми темпами и, вскоре мы уже двинулись пешим маршем к линии фронта. На нашем пути встречались деревни, буквально стертые с лица земли. Только черные трубы, да колодезные журавли свидетельствовали о том, что здесь когда-то жили люди.

Мы впервые увидели такое варварское опустошение. Иногда среди этих остатков деревень попадались престарелые люди и малые дети. Они рассказывали нам, как при отступлении немцы угоняли из деревень людей и скот, а остальное уничтожали. Сжималось сердце от жалости к этим людям, и каждый давал себе клятву — отомстить фашистам за их бесчеловечность.

В Дарнице, пригороде Киева, ночью нас бомбили. Бомбежка шла с большой высоты, поэтому как-то было меньше страшно. Жертв не было.

В городе Белая Церковь нам всем выдали по 10 патронов к винтовке, фронт был уже близко.

20 декабря 1943 года дивизия в полном составе вошла в линию фронта. Погода была дождливая, была ужасная распутица, все дороги были совершенно разбиты. Боевая техника совершенно не могла двигаться самостоятельно. Даже танки вязли в липкой жиже, но, помогая друг другу, все — таки, тащились вперед.

А пехота шла. Все спешили выйти на заданный рубеж. Позднее мы узнали, что мы входили в состав войск, которые удерживали в окружении большую группировку противника, в районе города Корсунь - Шевченковский.

На фронте, к тому времени, создалось сложное положение. Гитлеровское командование на выручку своих войск, находящихся в окружении, бросило большое количество танков. Мы шли вперед, туда, откуда слышалась канонада боя. Вскоре уже и до нас стали долетать снаряды.

Я смотрел на своих товарищей и думал, а что переживают они. Чувство страха сковывало движения, но подать виду, что ты боишься нельзя. Тем более, что я был назначен командиром отделения противотанковых ружей (ПТР).

Так все и держались, не показывая своей боязни перед летящими снарядами, взрывами и приближающегося грохота большого боя.

На последнем привале, в 500 метрах от передовой, я подошел к своему товарищу - Павлу Федоровичу Блохе, с которым мы вместе учились в учебном полку. Мы говорили о предстоящем бое. Какой он будет, этот первый бой? Сумеем ли мы сразу включиться в него? Все — таки, все мы были еще необстрелянными юнцами.

Чтобы придать нам больше боевого духа и уверенности, наши командиры, с наступлением ночи, провели с нами несколько учебных атак на предполагаемого противника. Стоял густой туман, который прикрыл наши учебные атаки.

Немного отдохнули и перед рассветом нам выдали еще по 5 боевых винтовочных патронов. Успокаивали тем, что все подводы с боеприпасами застряли на разбитой дороге, но потом их, все - таки, подвезут.

Вышли на передовую. Залегли в мелких окопах для стрельбы лежа. Потом получили команду вырыть индивидуальные окопы для стрельбы в полный рост.

Чуть рассвело, и мы двинулись цепями на какое-то село занятое немцами. Стоял густой туман. Мы подошли вплотную к селу и с криками – «Ур-р-а-а-а!» - кинулись на окопы немцев.

Атака.

ПЕРВЫЕ БОИ

Первый бой. На рассвете, мы в тумане подошли близко к какому-то селу и с криками – «Ур –р –р -а-а-а!» - бросились на окопы немцев.

От неожиданности немцы не сумели дать нам отпор и в панике отступили. Но и мы дальше наступать не могли, так как у нас не было боеприпасов. Те 15 патронов, что были у каждого, быстро кончились.

В этом бою я впервые убил немца. Стрелял с близкого расстояния в спину. Немец упал вниз лицом. А я пробежал мимо, только взглянув в его сторону. Останавливаться было некогда, вокруг свистели пули и рвались немецкие мины.

К обеду немцы опомнились и участили стрельбу по нашим подразделениям. Появились танки.

Под усиленным огнем немцев, мы отошли к своим окопам и залегли.

Вечером, верхом на лошади, прискакал заместитель командира полка и дал команду срочно сниматься с этой позиции и марш — броском отступить на 7 километров.

Дело в том, что немецкие танки обошли позиции нашего полка и оказались у нас в тылу. Окружить нас они не успели, так как к ночи мы уже вышли из опасной зоны.

После длительного марш – броска, нам дали немного отдохнуть, а потом мы получили приказ – атаковать село Покровка, занятое немцами.

Нам снова выдали по 10 патронов, и мы пошли в наступление.

Ночью, полк скрытно вышел на окраину села Покровка и занял исходные позиции для атаки.

По сигналу ракеты, мы с криками – «Ур-р-р-а-а-а!» - рванули вперед, на Покровку.

Наше внезапное наступление явилось полной неожиданностью для немцев. Танкисты в нижнем белье выскакивали из натопленных домов, а на улице наши бойцы встречали их выстрелами. Я тоже, как и все, кричал свое – «Ура-а-а!» и стрелял по немцам.

Я не знаю, сколько было побито в том бою немцев и сколько танков сумело покинуть село, но знаю, что одиннадцать танков были захвачены целыми. В их числе было и несколько «Тигров».

Все захваченные танки мы подожгли и подорвали, а сами отступили из Покровки, так как у нас не было достаточно сил и боеприпасов для удержания села. Не было у нас патронов и гранат, не было артиллерийской поддержки.

Полк отошел от Покровки на 2 километра и занял оборону.

К вечеру подошла артиллерия, обозы с боеприпасами и кухня.

Двое суток мы жили на сухом пайке, а зато вечером нас накормили отменно.

Хорошо вооруженные, обеспеченные боеприпасами, мы вступили в повседневные бои по уничтожению окруженного противника.

Против нас стояла эсэсовская дивизия «Адольф Гитлер». Эсэсовцы яростно отбивались, даже несколько раз предпринимали против нас контратаки, но мы стояли твердо.

Погода стояла скверная. После дождей начались морозы. Вся одежда у нас была мокрая, а теперь еще и задубела. Согреваться можно было только в окопе, своим теплом. Когда совсем холодно было, разводили прямо в окопе маленькие костры и грелись.

Хотя я был назначен командиром отделения противотанковых ружей, но за неимением ружей, командовал своим отделением, как стрелковым.

Я не помню какого числа января месяца нас, в составе стрелкового батальона, перебросили на правый фланг полка для атаки на райцентр Виноградово.

Сосредоточились мы в лощине и возле скирдов еще не обмолоченного гороха. Была поставлена задача: «На рассвете, после залпа «Катюш» и артподготовки, всем — вперед, на Виноградово!» До Виноградово было больше километра, местность ровная, как аэродром. Ночью выпал снег, вокруг бело.

После артподготовки, по команде мы враз поднялись и пошли цепью, как и положено было. Немцы этот участок местности пристреляли и буквально засыпали нас минами.

Наши командиры, чтобы вывести нас из под обстрела, кричат: «Бегом! Вперед!» Рванули вперед, но из зоны обстрела выбежать не можем. Немцы открыли по нам пулеметный огонь. Под градом пуль и разрядов мин бежать было невозможно. Залегли.

Командиры кричат: «По-пластунски, вперед!» Поползли.

Ползу, оглядываюсь, а мы, на белом снегу и ровном поле, как на ладони. Думаю – надо окапываться! Без команды нельзя!

В это время пуля свистнула возле левого уха, я дернулся вправо. Пуля свистнула возле правого уха, я дернулся влево. Снайпер! Я заметался влево – вправо! Однако, снайпер третью пулю уложил в меня. Мне больно обожгло зад. Я вскрикнул и непроизвольно рукой схватился за зад. По цепи пронеслось: «Прошкина ранило!»

Ко мне подполз сержант – санитар. Стал готовиться к перевязке. Думаю – двоих нас снайпер быстрее убьет. Да и боли я, в горячке, почти не чувствовал. Я махнул рукой сержанту – все в порядке, потерплю. Ну, не снимать же штаны на ровном поле, на виду у немцев!

Осмотрелся. Впереди был небольшой бугор. Я, перебежками, за бугор. Это был бруствер какого-то окопа. Спрыгнул в окоп. Окоп был глубокий, пули свистели где-то поверху.

Немного успокоился, сразу заболела рана. Приспустил штаны, все белье в крови. Ощупал рану, понял, что пуля прошлась по верху моего зада. Пожалел, что нет у меня с собой перевязочного пакета. Кое — как успокоил кровотечение и осторожно выглянул из окопа. Наступление наше было остановлено, все окапывались. Кто-то уже отползал назад. Но стрельба продолжалась, да такая, что нос из окопа высунуть нельзя было.

Рядом с моим окопом, в воронке из-под снаряда, залег расчет с пулеметом «Максим». Немцы открыли по пулеметному расчету огонь из миномета. Мины ложились все ближе и ближе к пулемету и ко мне. Очередная мина взорвалась рядом с пулеметом, вторая рядом с моим окопом. Меня оглушило. Пока я тряс головой и приводил себя в чувство, замолк пулемет. Высунулся, смотрю - расчет лежит. Я, короткой перебежкой, к пулемету. Оба пулеметчика ранены, пулемет выведен из строя. Что делать? Кричу санитара и пытаюсь помочь пулеметчикам.

Подполз санитар с помощником, и они на плащ-палатках поволокли раненых в тыл. Я взял у санитара пластырь. И, когда вернулся в свой окоп, наложил его на свою рану.

Вечером немцы предприняли атаку на нас. Пошло их много. Как-то стало не по себе. Но, так как мы уже хорошо окопались, то встретили их дружным огнем. Теперь немцы залегли на белом поле. Их было так хорошо видно, что можно было вести прицельный огонь. Немцы не выдержали и побежали назад.

Наступала ночь. Холодная, сырая. Поднялась метель. Нам снова дали команду – «Вперед!» Продвинулись ближе к позициям немцев. Окопались. На поле лежали навозные кучи. Кто-то догадался раскапывать эти кучи и греться в них.

Рано на заре опять пошли в наступление. Теперь немцы были совсем близко, метров в 150 от нас. Слышны были крики и команды на немецком языке.

Немцы открыли по нашим рядам плотный огонь. Идти вперед на пули страшно, но и отступать нельзя, на ровном месте все-равно всех перебьют. А впереди лощина. Получилось так, что немцы в окопах были выше нас, а мы в лощине, пока вне зоны огня. Но и сидеть в лощине нельзя, слева она была совершенно открыта. Мы были, как в ловушке.

Создалось угрожающее положение. Уже много погибших. Из офицеров только один командир роты. Никаких решительных действий с нашей стороны

нет. Мы с товарищем подползли к командиру, спросили, что дальше делать. Он, в ответ, спросил нас: «А, что вы предлагаете?»

Подумали вместе и решили, надо небольшой группой наступать по левому флангу, пока немцы сами с левого фланга не перекосили нас.

Собрали добровольцев. Приготовились к атаке. И - вовремя. Немцы уже поднялись из окопов и тоже пошли перекрывать нас по левому флангу.

Увидев группу ползущих к нам немцев, мы пробрались немного выше, а потом, по команде, встали и закидали их гранатами.

Ур-р-а-а-а-а!

Это было так неожиданно для немцев, да и для нас тоже. Ведь мы поднялись в рост метрах в 10-15 от немцев.

Оставшиеся в живых немцы бросились бежать назад. А мы заняли позицию наверху лощины, быстро окопались, и открыли фланговый огонь по немцам.

Как дальше бы стали развиваться события, понятно. После долгой перестрелки, под нашим прикрытием, наши товарищи пошли бы в наступление. Но, именно, в это время, раздался залп наших «Катюш». Ракеты вразброс легли на позиции немцев и от нас раздались взрывы, метрах в 20.

Взрывы были настолько мощными, что сразу, почти со смехом в голову пришло сравнение: вчера по мне стреляли немецкие шестиствольные минометы «Ванюши», а сегодня по мне стреляют наши гвардейские минометы «Катюши». И то и другое плохо, но, все-таки, приятно было, что залп наших «Катюш» куда мошнее залпа немецких «Ванюш».

Немцы отошли к окраинам Виноградово. Мы тоже двинулись за ними. С другой стороны к Виноградово наступали другие наши части с танками. Бои шли непрерывно и днем, и ночью. Немцы, попав в кольцо, отчаянно сопротивлялись.

А потом меня ранило осколком крупнокалиберного снаряда. Я видел, как справа взметнулся мощный взрыв снаряда, и меня так больно ударило по правому коленку, что я упал.

Опомнился и сразу подумал — ногу оторвало! Лежу, не шевелюсь. Лишь немного пошевелил пальцами ног. Пальцы шевелятся. Ну, значит, нога цела. Слава Богу! Подбежали товарищи, хотели разрезать мне штанину и перевязать рану, но я попросил их доставить меня в санроту. Вдвоем мы выбрались из боя и похромали в санроту.

Врач старший лейтенант Якименко осмотрел мою рану, сказал, что это просто сильный ушиб. Он обработал рану, и мне сразу стало легче.

Мы вернулись в окопы, на передовую. Колено сильно болело, но хромать потихоньку можно было.

В начале февраля наш полк перебросили в другое место. Только окопались, обосновались немного, поступила команда – «Приготовиться к атаке!»

После недолгой артподготовки мы пошли на какую-то деревню. Немцы открыли по нам ответный огонь, вначале из пушек и минометов, а потом и всеми средствами пехоты. Огонь был настолько плотным, что мы вынуждены были залечь. Только стали окапываться, появилось 12 штук немецких танков. Пришлось отползать назад, на свои позиции.

Наши артиллеристы постарались на славу. Подбили 5 немецких танков и остальные танки отогнали назад.

В это время с поля раздался крик: «Ой – ой – ой! Помогите!» Под сильным огнем немцев сержант – санитар пополз к кричавшему солдату на помощь. Только он прополз с десяток метров, как его ранили. Командир роты, увидев меня, приказал ползти к раненому сержанту. Я пополз. Сержант – санитар сказал, что он сам справится: «Помоги, если можешь, тому солдату!» Пополз к нему.

В воронке от снаряда на животе лежал молодой солдат и стонал. Когда я осмотрел его, то чуть не захохотал. У него было точно такое же ранение в зад, какое недавно было у меня. Я сказал: «Ладно, не умирай! Ничего страшного! Заживет!» Солдат немного успокоился, и мы пролежали с ним в воронке до вечера, пока наши снова не пошли в атаку.

Вечером заняли эту деревню. Оказалось, что это был последний бой в стратегической Корсунь – Шевченковской операции.

Потом наша дивизия выполняла задачу по перехвату отступающих немцев. Немцы побросали всю свою технику и бежали.

В ходе этой операции наш полк с боями захватил населенный пункт Христиновка.

За умелые действия и большой вклад в разгром немецко — фашистской группировки нашей дивизии было присвоено звание «Уманская». Умань — крупный стратегический узел.

Меня вызвал командир батальона майор Стрельцов и приказал разыскать нашу походную кухню. Задача была не из простых, так как хозяйственный взвод двигался по лесным дорогам, а в лесу группами бродили спрятавшиеся там немпы

Я часов 6 бродил по лесу в различных направлениях, хозвзвода нигде не было. В конце концов, на одной из дорог я все-таки нашел своих хозяйственников.

Кроме того, что я нашел наших хозяйственников, я, случайно, в лесу обнаружил крупный немецкий склад с боеприпасами. Склад был хорошо замаскирован и подготовлен к взрыву. Но по каким-то причинам склад не был взорван.

Мы с командиром хозяйственного взвода выставили впереди себя группу из трех солдат, и наш обоз поехал быстрее. Впереди идущие солдаты во время заметили в лесу немцев. Мы окружили их и захватили. Так и двигались дальше – впереди 23 немца, их конвоируют 4 наших солдата, а за ними двигаются 4 подводы хозвзвода. Когда подводы застревали на дороге, немцы помогали нам вытаскивать их.

Командир батальона поблагодарил меня за выполненное задание, пообещал представить к награде. Но награды я не получил.

Справка:

Корсунь – Шевченковская операция 1944 года (12.01 – 17.02) войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. Цель – окружить и уничтожить группировку противника из состава 1-й танковой и 8 армий в корсунь – шевченковсокм выступе. Мощными ударами советских войск с востока и запада противник (9-я пехотная и 1-я танковая дивизии и моторизованная бригада) был окружен. 17 февраля войска 2-го Украинского фронта вблизи Шендеровки полностью завершили его ликвидацию. Враг потерял более73 тысяч солдат и офицеров, в том числе 18,2 тысячи – пленными.

Операция проводилась в сложных погодных условиях. Внутренний и внешние фронты окружения создавались в условиях сильных контратак и контрударов.

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ.

За успешное выполнение задания командир батальона поблагодарил меня, но награды я не получил.

Через день мы подошли к Южному Бугу, который сходу и форсировали. Вода была холодная. Уже на том берегу, мы развели костры и кое – как обсушились.

Немного привели себя в порядок и – вперед, за немцами.

При отступлении фашисты уничтожали все, что можно было уничтожить. Специальный плуг, который по железной дороге тащил паровоз, резал за собой шпалы. А специальное приспособление рвало крепления рельсов.

В деревнях и в населенных пунктах немцы безжалостно сжигали дома, и молодежь угоняли в Германию.

Видя все это, видя плачущих стариков и детей, мы стремились поскорее догнать немцев и со всей силой отомстить.

Но догнать немцев было не так просто. Они отступали по хорошим дорогам на машинах, а мы наступали на немцев пешком, так как наша техника, из-за испорченных и поврежденных дорог отстала.

Погода была пасмурная, плохая. Но это было наруку нам. Часто было, что немцы нас, вовремя, не замечали. Они выходили из какой-нибудь деревни, а мы с другой стороны деревни входили. Столкновений не было.

Жители наших сел и деревень встречали нас со слезами радости и горя. Показывали нам фотографии детей, только что угнанных в Германию, или трупы расстрелянных при отступлении родственников.

В одном из сел, нам показывали фотографию женщины, служившей у гитлеровцев переводчицей. Она очень добросовестно служила им, выдавала им советских людей, присутствовала на расстрелах. Нас просили обязательно найти ее и расстрелять. В душе мы, конечно, не жалели эту переводчицу, но, как это – поймать и расстрелять? Мы обещали, что если поймаем ее, то привезем на суд в это село. На этом все и успокоились.

Каково же было наше изумление, когда при выступлении из села, на следующий день, мы в стороне от дороги увидели труп женщины. Это действительно была та переводчица, о которой нам рассказывали. Немцы убили ее выстрелом в шею. А, когда она упала, в живот ей была воткнута винтовка со штыком. Так немцы отблагодарили предательницу за ее услуги.

Наступая в таком темпе, мы подошли к городу Могилев – Подольский, на Днестре. В конце февраля Днестр полноводен и быстр. Без плавсредств такую реку не форсировать.

Немцы в спешке взорвали мост через Днестр, оставив на этом берегу массу своей боевой техники.

Солдатская находчивость помогла нам все-таки переправиться на тот берег. Мы собирали у населения пустые бочки, скрепляли их по три штуки, опускали их в воду, и в каждую бочку садилось по солдату. В таком смехотворном плавучем сооружении мы неслись по быстрой воде, пока не приставали к другому берегу.

Со смехом, с шутками, под обстрелом противника, выбрались на другой берег, сгруппировались и окопались, и стали поджидать пополнение.

Долго отдыхать не пришлось. Уже на второй день к нам прибыло молодое пополнение, и мы снова пошли вдогон отступающим немцам.

1-го марта 1944 года мы вышли к реке Прут, к румынской границе.

Моему взводу противотанковых ружей было приказано организовать противовоздушную оборону. Мы подумали немного, потом вырыли круговой окоп, посредине поставили вращающееся колесо от телеги, на колесо прикрепили противотанковой ружье и, таким образом, у нас получилась небольшая зенитная пушка. Соседи подходили и со смехом любовались на наше сооружение.

На другом берегу реки был сахарный завод и спиртзавод. Солдаты попросились сходить туда на промысел. Из деревни принесли яйца и хлеб.

У нас должен был получиться хороший ужин. Но, только мы сели в кружок, как меня вызвал командир роты капитан Конфетов.

Я оставил вместо себя заместителя командира взвода и пошел к командиру роты.

Командир роты стоял возле походной кухни. Он подал мне стакан спирта и кружку воды: «Пей!» Я отвечаю: «Так я опьянею!» - «Ничего, вот тебе на закуску кусок сала и черный хлеб». Я, конечно, выпил, опьянел без привычки, и командир роты велел мне спать у него в блиндаже.

Так он поощрил меня, за неимением других наград.

А уже на следующий день мы переправились через реку и вновь пошли вслед за отступающим немцем.

Быстрыми темпами вышли к городу Яссы.

Не обощлось и без казуса. Дело в том, что прибывшие молодые солдаты думали, что их в армию призвали временно. Думали, что мы прогоним врага за границу, и война на этом закончится. Поэтому многие из них набрали из дома разных вещей, тряпок. Теперь смешно было смотреть на них, навьюченных. Над ними смеялись: «Давай, тащи дальше, если ног не жалко!»

Так и получилось. После длительного ночного перехода, к утру, полк пересек глубокую лощину, в центре которой протекала река, и сделал привал.

Залегли. Разводить костры запрещалось, даже курить нельзя было.

Я проверил свой взвод. Двоих солдат не было. Отстали.

Я спустился обратно в лощину. Так и есть, два солдата с противотанковым ружьем, медленно тащились от реки.

Пока я ходил, наш полк обнаружили немцы. Началась такая стрельба с их стороны, что от густоты трассирующих пуль было светло, как днем, и треск стоял от разрывных пуль.

Я приказал своим спуститься вниз к реке и идти вброд, вверх по течению. Так и сделали. За нами в лощину спустился весь полк. Отошли метров на 300 вправо. Построились, посчитались. И снова на линию противостояния немцам.

Опять вышли наверх. Залегли, окопались. Приготовились к контратаке немцев.

Я копал окоп с одним из расчетов ПТР. Выставил наблюдение и разрешил по одному отдыхать. Лег и сам, и сразу уснул.

Проснулся от какого-то шума. Выглянул из окопа. Гляжу, все смеются и руками показывают на то место, где недавно наш полк обстреляли. А там, в беспорядке валялись мешки с вещами и тряпками новобранцев.

Вот так жизнь научила их не таскать с собой ничего лишнего. Без вещей можно быстрее спрятаться от пуль, мин и снарядов.

Когда обстановка немного успокоилась, один из наших солдат, проявил сноровку. Он отполз на то место, где были брошены мешки и приволок один из них. В мешке оказалось около ведра сахара — рафинада. Со смехом разделили сахар между собой и сказали «спасибо» неизвестному солдату, в такую даль тащившему эти лишние килограммы на себе.

А тут и привычная уже команда – «Вперед!»

К полудню вышли к большому румынскому селу. Разведка доложила, что немцев в селе нет, и мы вошли в село.

Вот так мы впервые увидели румын, увидели их жизнь.

Почти все жители села вышли на улицу. Все были по-праздничному одеты. Пестрели яркие платки и новые сорочки, расшитые узорами. Стояли они возле домов у своих ворот и держали на руках малышей, а в руках - белые флажки.

Перед селом нас встретила делегация села. Впереди делегации стояло три старца, они держали в руках каравай хлеба.

На площади посреди села сразу же устроили митинг. Все были рады тому, что нас за границей так хорошо встретили, и на все выступления кричали – «ура-а-а!»

После митинга, сразу – на марш!

Идем радостные, возбужденные, и чуть не попали в смертельную ловушку.

В полутора километрах за селом, по обе стороны шоссейной дороги, был небольшой лес. В лесу засели немецкие пулеметчики, которые должны были встретить нас перекрестным огнем.

Но беды не случилось. Когда мы походным строем уже спускались к лесу, навстречу нам со стороны немцев прискакал всадник на белой лошади. По нему немцы вели стрельбу. Всадник доскакал до нашего полка. Выяснилось, что это был румынский солдат – перебежчик. Он предупредил наше командование, что впереди засада.

Пешим маршем по Европе.

В РУМЫНИИ.

Румынский солдат – перебежчик предупредил командование полка, что впереди нас ждет пулеметная засада.

Командир полка дал команду рассыпаться и окопаться. А вперед направил усиленную группу с задачей, скрытно подобраться к пулеметным точкам и уничтожить их. Часа через полтора дорога была очищена.

Парадоксы войны. Румынский солдат нас спас от беды, но впереди была сильно укрепленная оборонительная линия, в которой сидели румынские солдаты. Укрепрайон состоял из ДОТов и ДЗОТов.

ДОТ – долговременная огневая точка, как правило, построенная из бетона,

ДЗОТ – долговременная земляная огневая точка, сооружение из наката бревен, засыпанных слоем земли.

Внутри пулеметы и автоматчики.

Три дня мы вели бои с ними, то брали эти сооружения, то отдавали их обратно, так как у нас не было взрывчатки, чтобы разрушить их полностью.

На третий день, меня со взводом ПТР, сняли с наступления и поставили на перекрестке двух дорог, с задачей – окопаться и не пропускать немецкие танки в село. Нам было строго указано, любое отступление считается дезертирством. За дезертирство – расстрел.

Приказ, есть – приказ! Надо выполнять!

Мы вырыли окопы для стрельбы и траншеи сообщения. Установили дежурство.

Позади нас, на окраине села стоял дом какого-то румынского богатея. Этот богатей бежал с немцами, и мы, после небольшой разведки этого дома, воспользовались его кладовой. Обеспечили себя питанием и стали ждать немцев.

После некоторого затишья, прибежал посыльный из штаба полка, предупредил, что возможна танковая атака.

Еще через два часа показались танки. Танки шли далеко от нас, слева, по бугру, через переезд на железной дороге, на село.

Я послал посыльного в штаб полка. Что делать? Танки, 28 штук, оказались сзади нас. Нужно принимать какое-то решение. Ну, не догонять же их!

Посыльный обратно не вернулся.

Я объяснил бойцам, что в селе, среди домов, наши закидают танки гранатами. Но в селе было тихо.

Я послал в штаб полка еще одного бойца. Что нам делать? Приказано - не уходить, а тут сзади нас такие события развиваются!

И второго посыльного нет обратно. Я пошел в разведку сам, посмотреть, где наша пехота.

От опушки леса я увидел, что метрах в 300 – 400 от нас, на село скрытно наступают несколько цепей румынских солдат.

В это время вернулся второй посыльный и сообщил, что в доме, где был наш штаб полка, уже расположились румыны, и у двери стоит румынский часовой в

Стало понятно, что полк отступил, не принимая боя с танками.

Я принял решение сниматься с наших позиций и выходить к своим.

Только мы ушли со своей позиции, как туда подошли румыны. Они видели нас, но не стреляли, очевидно, приняв нас за своих, так как мы тоже шли на село.

Подошли к селу. Мои подчиненные предлагали обойти село, но я, понимая, что на окраине села сгруппированы все войска и танки, решил пройти прямо через село.

Сгущались сумерки. Мы группой в 32 человека, вооруженные противотанковыми ружьями, шли через село, на виду всего гражданского населения.

Быстро наступила темнота. Мы были и рады темноте, и опасались ее, так как не знали, куда в темноте идти.

Пересекли село не на восток, а с юга на север. Вышли на окраину. Пошли через поле, поворачивая к востоку.

Километров через пять нас остановил окрик: «Стой! Кто идет?» Мы отвечаем: «Свои!», но на часового не выходим. Затаились. Боялись «власовцев», предателей, которые тоже на русском языке переговариваются.

После долгих выяснений, все-таки вышли к своим. Оказывается, мы попали на позиции кавалерийского корпуса, который воевал с нами по соседству.

К обеду следующего дня мы пришли в свой полк. Нас встретили радостно, так как уже считали погибшими.

Дело в том, что немецкие танки прошли через село, и остановились, так как были без пехоты. Но они отрезали отход наших подразделений. А те, кто не сумел выйти из села попали в руки немцев. Немцы издевались над нашими солдатами, а потом всех расстреляли. Так погибли лейтенант медицинской службы и связистка.

Вечером, когда мы отбили у немцев село, мы нашли их обезображенные трупы, привязанные колючей проволокой к дереву.

А перед этим, днем, в контратаку пошли немецкие танки. Впереди шли «Тигры» и «Пантеры». Мы сумели отсечь от танков пехоту. Танки проскочили наши рубежи, и попали под огонь артиллерии. Потеряв 6 танков, они развернулись и ушли обратно в село.

Один из «Тигров» надвинулся прямо на наши окопы и стал «утюжить» их. Мы и прятались на дне окопа, и стреляли по нему из наших противотанковых ружей, но подбить его не смогли. Не знаю, чем бы закончился этот поединок, если бы справа из небольшого леска не выскочила наша «тридцатьчетверка» и двумя выстрелами в упор не уничтожила бы этого «Тигра».

Потом в дело вступили наши «Катюши». После их залпов, в атаку пошли наши танки. А за ними и мы - пехота.

Противник, хотя и вел сильную беспорядочную стрельбу по наступающим, но был разбит и отступил за линию укрепрайона.

Так с боями прошел весь апрель.

К концу апреля нашу дивизию перевели ближе к городу Яссы, который располагался по правому берегу реки Прут. Мы с боем взяли высоту «276», которая господствовала над местностью.

Немцы вели упорные бои за эту высоту. Нас бомбили, обстреливали из тяжелой артиллерии, но мы эту высоту не сдали до генерального наступления. До начала Ясско – Кишеневской операции.

На этой высоте меня ранило. Тяжелый снаряд разорвался в торце окопа, в котором располагались расчеты ПТР. Хорошо, что мы копали глубокие окопы. Я и еще два бойца были сильно контужены.

Очнулся я в медсанбате. Голова кружится, вокруг тишина. Я с трудом открыл глаза и увидел, что губы у людей шевелятся, а они не произносят ни звука.

Полежал немного, полечился. Слух медленно вернулся, а осколок в виске остался на всю жизнь.

Через 10 дней я уже был в своем родном 10-м гвардейском стрелковом полку.

В первое время, после ранения, я «кланялся» вою мин и снарядов, и свисту пуль. А потом, ничего, опять привык к боевой обстановке.

На высоте «276» мне запомнился один бой.

3-го мая нам выдали летнюю форму одежды — шаровары, гимнастерку х/б (хлопчатобумажную) и пилотку, а 4 мая мы пошли в атаку.

Сначала пошли танки Т-34, но неудачно. Впереди в 800 – 1000 метрах немцы вкопали на удобной точке «Тигр». Тот пристрелял местность и не дал нашим танкам выйти на оперативный простор. Только они выходили из узкой балки на исходный рубеж, как тут же уничтожались выстрелами из немецкого «Тигра».

«Тигр» подбил 6 наших танков и танковая атака захлебнулась.

Тогда пошла пехота. Место было болотистое, слегка залитое водой. Противник в буквальном смысле «поливает» нас минами, снарядами и пулями всех мастей и калибров. Из под мин мы выбрались перебежками, а под пулеметным огнем - пришлось залечь. Солдаты, в новом обмундировании, не хотели падать в грязную болотистую местность. А, если ты сам не спрятался в матушку – землю, то считай, что тебя убили. Так и погибли некоторые.

Болото мы пересекли, а между болотом и селом, примерно 600 – 700 метров, ровное чистое поле. И сплошной шквал огня. Лежим, не можем даже голову поднять. Да еще танки и самоходки немецкие пошли.

Поступила команда - по-одному, по-два, отходить назад. Пока отходили самолеты налетели. Такого ада я, пожалуй, за всю войну не помню. По мне стреляли все – пехота, артиллерия, танки, самоходки, самолеты, а я весь вывалян в грязи, обсыпан мокрой землей, облит болотной водой. Как черт из преисподней, даже – хуже.

Только отошли на свою высоту, новый налет авиации. 32 самолета со всех сторон пикируют на высоту и стреляют, и бомбят.

Я успел только прыгнуть в глубокий окоп бронебойщика Новосадова. На меня сверху навалился какой-то старший лейтенант. Вой пикирующих самолетов, пронзительный вой бомб, и взрывы, взрывы, взрывы.

Все! Я дошел до предела! Обидно было умирать, но об этом даже и подумать некогда было! Страх и ужас от грохота! Голова раскалывалась! Лопались ушные перепонки! От пороха и дыма нечем дышать! Новосадов, как сумасшедший, дико визжал! А он был уже опытным солдатом и ему был 41 год. Глядя на Новосадова, я захохотал. Это был нервный припадок, я хохотал и не мог остановиться.

А потом – тишина! Мертвая тишина!

Зашевелились. Давай ощупывать себя. Живы! Да, живы же!!! Теперь Новосадов смеялся, подпрыгивал и радовался, что он жив остался. А я уже хохотал, над его радостью. Хохотал и плакал! Хохотал и плакал!

Новосадов обнимает меня: «Ванюшка! Ведь не убили нас фашисты! Живы мы! Живы!»

Старший лейтенант вел себя спокойно. Он осмотрелся вокруг, а потом крикнул нам: «Стоп! Рано радоваться! Новая группа стервятников летит и не меньше первой!»

По привычке стал считать – сколько их. 28, нет – 30!

Подбежал расчет бронебойщиков: «Разрешите спуститься с высоты, там безопаснее!»

Конечно, я понимал, что там безопаснее. Я и сам мог бы отойти от высотки. Но – нельзя! Надо быть здесь! Надо было удерживать эту высоту «276», во что бы то ни стало. Я приказал им ложиться в окоп и готовиться к бою.

Самолеты развернулись, и стали в очередь, друг за другом пикировать на нас. Полетели бомбы. Опять все сначала! Те же взрывы, тот же грохот, тот же визг и вой самолетов и бомб, только в душе как-то все перегорело. Притупились чувства. Не было того ужаса и страха, что был 15 – 20 минут назад.

Самолеты бомбили нас, а мы лежали на дне окопа. Нас подбрасывало взрывами, засыпало землей, а мы как-то безучастно лежали на дне окопа, только как бы все больше и больше прижимаясь к земле. К нашей земле – спасительнице!

Самолеты улетели, а мы все лежали. Обессиленные, прибитые к земле, оглушенные, отравленные жженым порохом, - мы не могли даже встать.

Слышу, командир роты проверяет своих. Поднялся, и тоже стал проверять, кто из наших погиб, кто выжил. С какой-то тайной надеждой искал я расчет бронебойщиков, которому не разрешил покидать высоту. Но, увы, окоп в котором они лежали, был завален землей, и из-под земли были видны только солдатские сапоги. Их откопали, но они были мертвы.

Конечно, я чувствовал свою вину за их смерть, но что я мог поделать? Не мог я разрешить им покинуть высоту. Не мог!

Собрали всех раненых и командир роты приказал мне доставить их в медсанбат. На раненых страшно было смотреть, настолько они были побиты и покорежены. У моего друга, сержанта Ярушина, был пробит бок, да так, что кусок металла выпирал из другого бока. Мы вместе с ним учились в учебном полку.

Мы вынесли раненых, вернулись на высоту, где уже шел бой.

После налета самолетов немцы пошли в атаку. Но атака была отбита.

А потом наступила ночь. Ночь отдыха. Спали по очереди, постоянно наблюдая за действиями немцев.

На следующий день нашу дивизию перевели на другое место.

Высоту «276» я назвал высотой смерти.

Высота «смерти».

ПОД ЯССАМИ

Наша дивизия вплотную подошла к городу Яссы. От нашей траншеи до первых домов Яссы и до окопов противника - 100 — 120 метров. И дома и окопы противника выше нас, на круче. Мы внизу, как на ладони.

Приказ: держать здесь, в неудобном месте, оборону.

Держим. Но оборона, все-таки не наступление. Появилась хоть какая-то передышка. Можно и себя в порядок привести и письмо домой написать.

Последнее письмо домой я писал, когда нас только на фронт повезли, а уже сколько времени прошло, сколько событий. Жалко, конечно, было и родителей и сестер, но что поделаешь, не было возможности письма писать.

За 6 месяцев войны я ни разу не ночевал под крышей. Пехоте во время войны ночевать под крышей просто нельзя. Всегда рядом противник, какая уж тут крыша. Не случайно пехоту называют — «царица полей».

Устроился я поудобнее в своем окопчике и пишу письмо. А что писать? Жив, здоров, воюю! А больше ничего и не напишешь. О том, где и как мы воюем, писать нельзя — военная тайна. Что-то можно было написать полунамеком, между строк, так, все-равно, цензура все вычеркнет. Поэтому написал коротенькое письмо.

Примерно через полмесяца получил сразу два письма. В одном письме сообщалось, что дома умерли мой отец и дед.

Дед – Аким Михайлович, мамин отец, был человеком, с которого я старался брать пример во всем. Он был степенный, рассудительный, уважаемый человек на селе. Умер он на 74-м году жизни.

Отец мой тоже был достаточно старым человеком. Он умер на 63-м году жизни. Жалко было их.

Когда отец провожал меня на фронт, то сказал: «Наверно, мы, сыночек, в последний раз видимся!» Так и получилось.

А во втором письме были сплошные новости из села. Как много было восторга в душе! Какой подъем! Эх, так и хотелось, что-нибудь хорошее сделать!

Да и ребята вокруг, тоже старались поделиться своими новостями с друзьями.

Лето в тот год было жаркое. Каждый занимался, кто чем мог. Кто-то свою траншею получше оборудовал, кто-то чинил обмундирование, а кто и книжки читал.

Командование дивизии даже организовало своеобразный дом отдыха. Нас по несколько человек снимали с позиции и вывозили за 8 – 10 километров от передовой.

10 дней хорошего организованного отдыха показались мне раем. Нам читали лекции, показывали фильмы, ставили концертные программы. Днем мы играли в разные игры. Больше всего я любил игру в городки. Я еще в детстве ловко сбивал городошные фигуры.

Как-то мы играли в городки, и к нам подошел командир дивизии – гвардии полковник Конев Иван Никитович. Мы знали, что он является племянником знаменитого уже командующего фронтом Маршала Советского Союза Конева Ивана Степановича. Командир дивизии рассказал, что до войны он учился в военной академии, и там они тоже играли в городки. Только у них игра была организована по-другому. Проигравшая сторона должна была нести на спине победителей, вместе с палками и чурками на другую сторону поля. И полковник предложил нам с сержантом (не помню его фамилии) сыграть с ним и его адьютантом - капитаном.

Вначале мы с сержантом, от волнения, что-ли, проигрывали. А потом у нас игра пошла хорошо, и мы выиграли. Под смешок окружающих я взгромоздился на капитана, а сержант – на командира дивизии, и поехали.

Потом командир дивизии поблагодарил нас за игру, пожелал нам так же метко и беспощадно бить немцев.

Когда я вернулся на передовую, я долго потом рассказывал об этом случае своим сослуживнам.

А еще из этого дома отдыха я принес на передовую песню «Огонек». Эта песня сразу всем полюбилась. Ведь каждый переживал разлуку со своей любимой.

Из сводок «Совинфорбюро» узнали, что в начале июня открылся второй фронт.

Время летело быстро, чувствуем, что и нам скоро будет дана команда – «Вперед!»

Как-то с наступление темноты я получил приказ от командира роты – силами своего взвода, по траншее, выдвинуться вперед в нейтральную зону и очистить траншеи от румынских трупов. А трупы там пролежали около трех месяцев. Фу! Но, приказ, даже такой — приказ! Надо выполнять! Да и понимал уже, что траншеи надо расчистить перед наступлением.

Ночь была ветреная, луна, то и дело, выглядывала из-за туч. Мы вошли в нейтральную траншею. Только тогда я разъяснил задачу взводу. Подумали, решили — трупы наверх не выбрасывать, а копать в траншее ниши, запихивать туда трупы и закапывать их. Но, на каких-то участках траншеи, трупов было так много, что мы просто заваливали их землей. Стоял такой мерзкий трупный запах, что некоторых даже стошнило.

Только к утру, мы успели выполнить эту работу.

Я доложил командиру роты о выполнении задания, но обратно идти уже не мог, ноги подкашивались. Уснул прямо там, в землянке командира роты.

А потом обнаружилось, что и взвод мой тоже лежит. Стали выяснять, в чем дело. Оказалось, что все отравились очень сильным трупным запахом.

Расчистка траншей, сосредоточение артиллерии, говорило о том, что мы скоро пойдем в атаку.

Через некоторое время меня вызвал к себе командир роты. Спросил – смогу ли я выступить перед личным составом с призывной речью. Я наотрез отказался. Да и не выступал я никогда с речами. Но, командир сказал: «Надо!»

Надо, значит – надо! Меня проинструктировали, чтобы я ничего не выдумывал, а говорил бы своими словами. Как смогу.

Собрали бойцов. Выступали командиры, выступали старые солдаты, выступил и я. О чем я говорил, не помню, но командир роты сказал мне потом: «Зря я тебя заставил выступать. Теперь тобой заинтересовались политработники. Ох, заберут тебя! Точно заберут!»

После собрания нам показали картину «Сердца четырех». С какой жадностью мы смотрели на спокойную гражданскую жизнь! Как мы были благодарны командованию, что перед наступлением нам показали такую картину!

18 августа нашу дивизию перевели правее километров на 20 – 30. Нам дали два дня отдыха в небольшом лесочке.

В ночь на 20-е августа нам было объявлено, что на рассвете после залпов «Катюш», начнется 2-х часовая артподготовка, а потом и мы пойдем на траншеи противника.

И опять тревожное ожидание, опять тревожные мысли, – а, останусь - ли я жив?

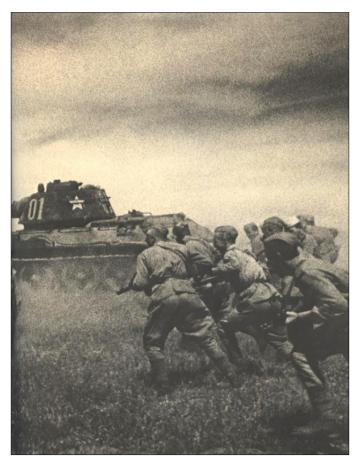
По команде: «Вперед! В атаку!» мы рванули на румынские траншеи. Но, румыны большого сопротивления не оказали. Они настолько были деморализованы оглушительной артподготовкой, что сдавались большими группами. Мы формировали их по 50 – 100 человек, отправляли в тыл, а сами не задерживаясь, стремились вперед.

Во втором эшелоне немецкой обороны, мы встретили очень сильное сопротивление. Пришлось вызывать наши «Катюши» на помощь.

После залпа «Катюш», мы заняли и второй эшелон обороны противника.

Через 2 дня мы вышли на стратегическую дорогу, чтобы полностью отрезать обеспечение окруженной группировки немцев, и завершить окружение этой группировки.

Бой за этот участок дороги был очень тяжелым. Нас встретил настолько массированный обстрел из всех видов вооружения, что земля дрожала, словно от холода.

«Вперед! В атаку!»

Но мы были выше противника и когда кинулись в атаку, то просто скатывались с горы на противника, не обращая внимания на пули, мины и снаряды. Так сходу и смяли противника.

В этом бою меня ранило осколком снаряда в ногу. Рана была на задней стороне ноги, выше колена. В горячке боя, чтобы не отстать от товарищей, я продолжал свой бег. Но потом почувствовал, что кровь обильно течет в сапог. Пришлось остановиться и осмотреть рану.

Подбежала медсестра, чтобы осмотреть рану. Я вначале стеснялся снимать перед нею штаны и показывать свои кальсоны, но она прикрикнула на меня. Я приспустил штаны, она перевязала мне рану и дальше мы побежали с ней вместе.

Заняли участок дороги, окопались. Ждем.

Через некоторое время нас сменила другая часть, а мы пошли в сторону города Плоешти. Нам нужно было отогнать противника от окруженной группировки.

Солдатская находчивость и здесь помогла нам. Мы взяли несколько румынских повозок, по ихнему – «каруцы», похожих на наши арбы, и на рысях поехали вперед, не встречая большого сопротивления.

Время было хорошее, конец августа. Дни стояли солнечные, но не жаркие. Справа и слева тянулись виноградные и кукурузные поля. Виноград был еще зеленый, но мы рвали его. Морщились, но жевали. Так хотелось кисленького. Больше двух лет не ел я кислых ягод.

Нам объявили, что Румыния прекратила сопротивление, и теперь сама будет принимать участие в борьбе с немцами. Это известие нас обрадовало, так как румынское население теперь будет лучше нас встречать.

И, действительно, после этого, когда мы входили в села, жители выносили нам молоко и фрукты.

Торжественный вход в освобожденный город.

Справка:

Ясско – Кишеневская наступательная операция (20 – 29 августа 1944 года) велась войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией.

Цель – завершить освобождение Молдавской ССР и вывести Румынию из войны.

Войска 2-го Украинского фронта нанесли главный удар на северо – запад Ясс, в общем направлении на Васлуй, Фэлчиу и вдоль реки Сирет.

Войска 3-го Украинского фронта нанесли главный удар в направлении Хуши и Белгород – Днестровский.

К 23 августа было завершено окружение кишеневской группировки противника (18 немецких дивизий и 3-я румынская армия).

К исходу 27 августа была ликвидирована окруженная группировка восточнее реки Прут, а 29 августа и части противника, которым удалось переправится через реку Прут.

В результате операции была полностью разгромлена группа немецких армий «Южная Украина», 22 немецких дивизии и все румынские дивизии.

Молдавия была освобождена, а Румыния вышла из войны.

ОСВОБОДИТЕЛИ

Теперь, когда мы входили в румынские села, жители выносили нам молоко и фрукты. Приятно было видеть все это, но нам надо было идти вперед и вперед.

А впереди был город Плоешти. В Плоешти сконцентрирована добыча нефти всей Румынии. Поэтому немцы особенно сильно защищали этот город.

На нашу беду против нас они еще поставили «власовцев», наших русских солдат – предателей. «Власовцы» дрались отчаянно, до последнего патрона и до смерти. Терять им было нечего, и в плен сдаваться нельзя.

После тяжелых боев, Плоешти мы, все-таки, взяли.

Мы, еще уставшие и грязные от земли и пороха, сидели на бруствере своего окопа, а по дороге уже вели в тыл колонны пленных эсэсовцев и «власовцев». Колонны были большие по 1,5 – 2 тысячи человек.

Смотрел я на них и, почему-то, ничего особенного не ощущал. Ни чувства гордости, ни чувства жалости. Думал только, - хорошо, что они сдались, а то бы еще сколько воевать с ними надо было.

Война – это очень тяжелая работа.

В городе мы освободили много наших женщих и девушек, ранее угнанных в Германию и в другие государства на работы. Они плакали и старались быстро – быстро рассказать о себе, о своих мытарствах вдали от Родины.

Я познакомился с девушкой Марусей, угнанной в 1942 году из Харькова. В Плоешти она работала на фабрике. Рассказывала, что работа у них была трудная, а обращались, как с рабами.

Как хорошо было слышать рядом звонкий и веселый девичий смех! Как приятно было чувствовать рядом девушку, которая, хотя и в слезах, но счастливая, обнимала и целовала тебя! Как они благодарили нас за свое освобождение!

Жаль, что вся эта встреча была очень короткой, в спешке. Я записал Марусин адрес, обещал, что напишу ей. Но, когда было писать, да и куда писать?

Поступила команда – «Вперед!» Мы попрощались с девушками, и с хорошим, приподнятым настроением пошли дальше.

Освободители.

А дальше – бои и бои, за каждое село, за каждую деревушку. Теперь продвижение наше несколько замедлилось.

Впереди – центр Трансильвании, город Клуж. Теперь вместе с немцами против нас воевали еще и венгры. Мадьяры – как мы их называли.

После взятия Плоешти, со мной произошел случай, который следует рассказать отдельно.

В нашу роту пришел младший лейтенант с предписанием – принять мой взвод. Мне предписывалось – сдать ему взвод и временно находиться под его командованием.

Все уже знали, что я перевожусь на другую должность – комсоргом батальона. Мы, в это время двигались в живой массе войск, на Клуж. На дороге в несколько рядов ехали и шли войска.

За 2 - 3 километра до Клужа заканчивалась возвышенность и начиналась ровная открытая местность.

Поступила команда: «Рассредоточиться!»

Мой взвод бронебойщиков частью ехал на двух подводах, частью – шел пешком. Мы съехали с дороги и углубились в поле с кукурузой на 80 – 100 метров. Остановились. Думаем, что дальше будет.

Пока рассуждали, из-за облака вынырнули два «Мессершмидта», и полетели прямо на нас. Мы их хорошо видели и насторожились, куда они полетят.

Самолеты пролетели низко над нами и над дорогой, где все еще оставалось большое скопление техники и личного состава, и пошли на разворот.

Думаю: «Все! Сейчас начнется стрельба и паника!» Смотрю на своих солдат – напряглись, ждут команды. Наш младший лейтенант совершенно спокоен.

Говорю ему: «Надо дать команду – «Воздух!» Он свысока посмотрел на меня: «Ты, что, Прошкин! Трусишь?»

Я про себя обиделся, но смолчал. Но, когда самолеты вышли на боевой курс, я крикнул: «Воздух!» и бросился бежать на самолеты. За мной бросились несколько наиболее опытных солдат, другие кинулись в стороны.

Самолеты сбросили по две кассеты, начиненных минами. И, только мы залегли, раздался треск разрывающихся кассет, взрывы мин, ржание лошадей. Потом все стихло.

Я поднял голову, огляделся. На месте, где мы стояли, поднимался дым от многих взрывов. Мой товарищ лежал рядом, обхватив голову. Я говорю ему: «Хватит лежать! Посмотри, что вокруг творится!» Но мой друг, Ваня, остался лежать. Подбежали солдаты, перевернули его. На его лице застыла улыбка. Как бежали мы с ним наперегонки и смеялись, так и остался он улыбающимся. Осколок пробил ему комсомольский билет и красноармейскую книжку и вошел в грудь. Других ран не было. В красноармейской книжке лежала небольшая фотография его девушки – Тани. Она тоже была пробита.

В этом поле мы похоронили 12 человек своих друзей, да еще 15 человек получили ранения.

Вот к чему приводит неразумная храбрость и несвоевременная подача команды. Подай младший лейтенант команду раньше, все успели бы разбежаться, рассредоточиться.

Я себя виню, что не дал этой команды сам пораньше. Но нельзя было унизить молодого командира, которому я уже передал взвод.

А у меня от этого случая осталось несколько прорванных длинных разрезов на спине шинели от осколков мин. Смерть была так близко!

Младший лейтенант, после этого случая, присмирел, замолчал. Видно было, что понял свою оплошность, но ... уже поздно.

Похоронили мы в поле своих товарищей, отправили раненых в тыл, а сами пошли дальше, на город Клуж.

Клуж расположен на возвышенности. Немцы создали вокруг него сильную оборону.

Наша дивизия наступала на город с востока. С ходу захватили с полсотни домов, а дальше – ни шагу. Шквальный огонь положил нас на землю.

Мало – помалу отошли к своим позициям.

Теперь против нас пошла немецкая пехота, поддерживаемая танками.

Пехоту мы оттеснили и заставили отступить. А я, в этом бою, сражался с немецким «Тигром». Запасся связками гранат и несколько раз бросал их под «Тигра». Но остановить его не сумел.

Остановили его чуть в стороне. До вечера шла перепалка с «Тигром», а вечером подкатили нашу пушку «сорокапятку» и та расстреляла немецкий танк.

В этом бою против нас выступали и венгры. Ох, и много же их тут полегло.

Клуж с востока мы не взяли. Пришлось обойти его и начать атаковать с запада.

В ходе этой атаки меня чуть не убил венгерский офицер. А получилось это так. Когда наш батальон пошел в атаку, я пошел вместе со всеми с левого фланга.

Сначала венгры отстреливались, а потом в беспорядке побежали. И мы за ними побежали.

Я с несколькими бойцами выбежал из небольшой лощины и увидел, как один из венгров, лежа у куста, стреляет по нашим бойцам из пистолета. Он оказался совсем близко от меня. Я вскинул автомат и дал по нему очередь, но тот тоже успел выстрелить в меня. Его пуля в меня не попала, а он осел в окопчик. Я подумал, что он ранен, подбежал к окопу и дал еще очередь по лежащему там венгру.

Возле мертвого уже венгра, лежал пистолет «Вальтер». Я взял его себе, как трофей.

«Вальтер» красивый пистолет. Он мне нравился больше, чем наш «наган». Так с «Вальтером» я всю войну и прошел.

Я сдал этот пистолет только в марте 1947 года, когда демобилизовался из армии, в городе Бар Винницкой области.

Но, в то время, я только, на бегу, подхватил пистолет «Вальтер», сунул его за пазуху, и побежал дальше.

Бой продолжался, и мы подошли к городу. Казалось, что весь успех на нашей стороне, но тут мы получили команду, оставить наступление на город и двигаться дальше на Запад.

Построились в походную колонну, и пошли вперед. Вскоре и люди, и техника, были, как бы зажаты с обеих сторон крутыми высотами. Идти пришлось долго.

Я все время крутил головой и думал, - если налетят самолеты противника, то куда можно будет бежать. Ни вперед, ни назад. Такое скопление войск, что свободного места нигде нет.

Пока думал, послышалась команда – «Воздух!» Я с товарищем кинулся наверх, по круче. Высота кручи была не менее 200 метров.

Послышался вой бомб и кассет с минами. Я успел запрыгнуть в горловину какого - то цементированного бассейна. Мои товарищи полезли дальше.

На дороге творилось невообразимое. Во взрывах бомб и мин смешались массы людей и техники. Только минут через 20 бомбежка прекратилась.

Бомбежка прекратилась, а я не могу вылезти из бассейна, так высоко были его края. Пришлось звать на помощь. На мое счастье мимо пробегал какой-то красноармеец, он и помог мне выбраться из ловушки.

Мы побежали к выходу из ущелья.

Здесь кончалась Румыния и начиналась Венгрия. Румыния капитулировала, и новое правительство страны объявило войну немцам. То есть, у нас был, какой – никакой, но свой тыл. Мы уже не опасались румын. А как нас встретят венгры?

В ВЕНГРИИ.

На выходе из ущелья кончалась Румыния и начиналась Венгрия.

Но, еще в Румынии со мной произошел неприятный случай.

Командир дивизии, гвардии полковник Конев И.Н. случайно увидел, как наш солдат остановил румына, забрал у него ручные часы и пошел дальше. Полковник велел привести ему этого румына, спросил его об этом случае, приказал догнать солдата. Им оказался дивизионный разведчик. Часы вернули румыну, а солдата арестовали за мародерство.

Посадить солдата до суда, однако, было некуда, поэтому полковник подозвал меня, так как, мы со взводом стояли недалеко и наблюдали эту сцену. Спросил, кто я такой, и приказал содержать этого солдата под арестом, до особого распоряжения.

Распоряжение не из приятных, но выполнять надо. Солдата я посадил в повозку, организовал его охрану. Хожу рядом, думаю, - разведчики своего товарища обязательно у меня выкрадут и мне придется отвечать перед командиром дивизии лично. Да-а! Ситуация!

Случилось же совсем не так, как я думал. Налетела авиация, стала нас бомбить. Пока мы лежали под бомбами, этого солдата убило.

Опять я страдаю. С одной стороны с меня снимается ответственность за охрану мародера, с другой стороны — жалко. Это же наш советский солдат! Сколько раз смотрел он смерти в глаза, выполняя задания командования! Ну, бес попутал! И на хрена ему были эти часы? Зачем он совершил такой поступок? Я видел, что он и сам уже сто раз покаялся, что взял у румына часы!

Ну, что ж, суда не было, но бог наказал его!

И еще один случай. Кроме моего друга Вани Архипова, которого убили под Клужем, у меня был еще один близкий товарищ – Голоха Павел Федорович. Он был мой ровесник из Ямпольского района Винницкой области. Мы с ним вместе учились в учебном полку.

Как-то мы встретились. Спрашиваю: «Как дела?» Паша отвечает, что дела плохие. В батальоне почти всех офицеров вывели из строя, и теперь он, вместо командиров водит в атаку роту стрелков. Правда, в течении непрерывного наступления, личный состав роты тоже сильно поредел, но рота пока в состоянии выполнять поставленные задачи.

Паша сказал, что только за сегодняшний день они четыре раза ходили в атаку, и четыре раза пришлось отступить, так как противник очень хорошо укрепил свои позиции.

Вот прошло много лет после войны, а как сейчас вижу его перед собой: весь грязный, в пыли, на лице мокрые потеки и очень, очень уставший.

А вечером 4 октября 1944 года его сильно ранило. Я нашел Пашу уже лежащего на повозке, на которой отправляли раненых в медсанбат. У него было раздроблено предплечье левой руки. Санитарка, молоденькая девушка, плачет, не может сорвать с него старую повязку, чтобы наложить новую. Я помог ей, сорвал с Паши старый бинт, да так, что Паша потерял сознание. Так и увезли его в безсознательном состоянии.

Да-а! Это все было! А сейчас мы шагаем по Венгрии.

Народ напуган немецкой пропагандой. Прячется по бункерам и погребам.

Прошли крупный город Дебрецен. Через два дня вечером вошли в город Ниредхазы. В городе пожары, а за городом немецкая оборона.

Так уж получилось, что два казачьих корпуса ушли вперед, на 10 – 15 километров, оставив за собой крупную группу немецких войск с танками и артиллерией.

А утром другого дня сзади нашей дивизии спустилась с гор 2-я венгерская армия.

В этот же день меня вызвали в штаб полка. Я доложил об этом заместителю командира батальона по политчасти и пошел в штаб полка.

Заместитель командира полка - майор Бенько, проводил в это время совещание с политработниками, на котором сообщил о сложившейся ситуации. Он сказал, что противник, очевидно, предпримет все меры, чтобы захватить город. Задача — не выпустить немцев и венгров из окружения и не сдать им город.

На этом же совещании объявили приказ о назначении меня комсоргом 3-го стрелкового батальона.

Прямо с совещания я пошел на передовую, знакомиться с комсоргами рот и с обстановкой. Поздно вечером я вернулся в штаб батальона.

Была ночь. Идти по городу ночью, среди недружелюбного населения, да еще когда противник рядом, было очень опасно. И, действительно, когда я пришел в штаб батальона, офицеры штаба очень удивились моей храбрости. Я промолчал о том, что я понимал обстановку и поэтому не храбрился. Просто мне нужно было добраться «до дома». Батальон был уже моим домом.

Венгры и немцы под покровом ночи все больше и больше сжимали кольцо вокруг города.

В этой обстановке командир батальона вызвал меня и дал задание - взять ординарца и вместе с ним отвезти пакет в кавалерийский корпус. Нам дали двух оседланных лошадей и мы поскакали к кавалеристам.

Уже через 3 километра мы встретили их. Я передал пакет и вернулся назад.

Утром начались бои за город.

Я находился в штабе батальона. Командир батальона вручил мне очередной пакет и отправил в штаб полка.

Штаб полка был недалеко, всего метров 500 от нас. Но, когда я прибыл в штаб полка, там уже почти никого не было. Успели переменить место дислокации.

Заместитель командира полка – майор Петренко, кому- то звонил. Увидев меня, бросил трубку и приказал немедленно идти на восточную окраину, там одна из рот полка вела тяжелый бой с мадьярами. Командира роты тяжело ранило, и мне приказано было временно подменить его.

Я бегом побежал туда, откуда шла пальба.

Обороной руководил старший сержант. Увидев меня в погонах младшего лейтенанта, он очень обрадовался и быстро доложил обстановку.

Мадьяры в желто – зеленой одежде наступали цепями по кукурузному полю. Я крикнул: «Слушай меня! Стрельбу прекратить! Приготовиться к бою!»

Солдаты, привыкшие к выполнению приказа, сразу перестали беспорядочно палить, осмотрелись, приготовились к бою.

Лежим, ждем. Когда мадьяры подошли достаточно близко, я приподнялся и громко скомандовал – «Огонь!»

Сразу заработали три станковых пулемета «Максим», несколько ручных пулеметов, винтовки, автоматы. Вот это был организованный отпор. Такого плотного огня венгерские солдаты не выдержали и бросились бежать.

Наши солдаты заулыбались, одобрительно глядели в мою сторону. Но, долго мне командовать не пришлось. Из штаба полка прибежал старший лейтенант, и принял от меня командование ротой.

А я направился в штаб своего батальона. В этой части города наших войск не было, и я пошел не по городу, а, в обход, задами, чтобы не попадаться на глаза местному населению и возможным, засевшим в домах, немцам.

Не доходя до штаба батальона, я увидел, как из перелеска в город идет колонна немецких танков. Я по кукурузному полю бросился обратно. На узкой дороге стоял большой тыловой обоз. Это был обоз с продовольствием и ранеными. Среди раненых был и наш командир полка полковник Мустафа. Я доложил о танках. Офицеры, находящиеся в группе раненых, стали совещаться, какие дальше предпринять действия.

Погода стояла ветреная. Но стрельбы здесь не было слышно. Вдоль дороги росли деревья. Я отошел в сторону, прилег под дерево. Лежу, думаю.

Обстановка сложилась серьезная. Почему – то так получилось, что вокруг нас везде враги. Обоз шел в прорыв, но прорыв закрылся. Наши на одной окраине города и на другой. А здесь - никого.

Впереди немцы, слева – венгры, справа и сзади – танки. Значит, вся эта группа безоружных и раненых солдат и офицеров находится в окружении.

К такому же решению пришли и офицеры. Было принято решение – бросить обоз и небольшими группами выходить из окружения. Но, куда идти?

Семь суток мотала меня судьба между смертью и жизнью. Куда ни пойдешь – везде немцы.

Через семь суток наши войска пошли в наступление. Мы вышли к своим.

Сутки я отдыхал в штабе батальона, а потом опять в бой.

Заканчивался ноябрь, погода была плохая, почти ежедневно шли холодные дожди.

При форсировании реки Тиса, лодку, в которой находился я, взрывом перевернуло. Еле я выплыл, так не хотелось мне тонуть в холодной воде.

За время последних боев наш полк понес большие потери. Пришлось наш 3-й батальон временно расформировать, дополнить нашим личным составом 1-й и 2-й батальоны, и, таким образом, сохранить их боеготовность.

Так я и еще 12 офицеров оказались в резерве. Поэтому в боях за города Мишкольц и Эгер я участия не принимал.

А бои там были очень жестокие. Особенно в боях за город Эгер наших полегло около 50 человек.

Меня направили во 2-й батальон. Уже с батальоном я вошел в город Эгер. Странно было видеть, что на окраине города шли ожесточенные кровопролитные бои, а в самом городе было тихо, работали все учреждения, магазины.

Мы прошли через город, не задерживаясь. Командир батальона приказал мне найти хозвзвод и помочь старшине хозвзвода в обеспечении продуктами.

Пока я уточнял, где могут быть наши хозяйственники, наступил вечер. Я дошел до населенного пункта в 3-х километрах от города. Темно, тихо. Кто тут немцы или наши. Но, судя по тишине, войск в селе нет. Я постучал в окно большого дома. Вышла женщина с ребенком, я спросил ее, как мог, где немцы? Она тоже кое – как объяснила мне, что немцы ушли 3 часа назад. Я успокоился и попросил у нее ночлега. Она указала мне на диван, а сама с ребенком ушла в другую комнату.

Ночью я проснулся от грохота в дверь. Я встал с пистолетом в руке, в другой руке зажал гранату, и велел женщине спросить – кто там пришел? В ответ русская речь. Спрашивают, есть ли в доме посторонние? Она отвечает, что, да, здесь есть «русь официр».

Я уже через окно увидел, что это были наши дивизионные разведчики, и с ними сержант, с которым я, не так давно, играл в городки в дивизионном доме отдыха.

Женщина посмотрела на меня, спрашивая глазами, что делать? Я кивнул ей головой – «Открывай!»

В дом вошли три разведчика. Спрашивают: «Ну, где тут «русь официр»? Я вышел из-за двери. Вот ребята наши удивились!

«Ванюшка, это ты?» - «А, кто же еще? Я – конечно!»

Потом я рассказал им о себе. Что я стал комсоргом батальона, что немного командовал ротой, что был в окружении, а вот теперь ищу свой хозяйственный взвод.

Старшина говорит: «Ну ты, Ванюшка, даешь! Мы первые вошли в это село на разведку. Наши, только утром готовятся войти в село с боем! А ты его уже захватил!»

Я попросил ребят никому об этом не рассказывать, а то неудобно было бы, - советский офицер сдуру забрел в неосвобожденное село! За это и к ответственности привлечь могут.

Чтобы потом не было пересудов, я сам рассказал об этом парторгу батальона.

Прошло некоторое время. За столом, однажды, командир батальона сказал: «Прошкин, расскажи-ка, как ты в село вперед разведки вошел? И как ты в Чехословакию не ушел? Там же граница рядом!»

Я вначале даже испугался, что теперь и комбат об этом знает. Но увидел, что он в хорошем настроении и тогда рассказал все, как было.

Офицеры долго хохотали надо мной и расспрашивали подробности.

Комбат спросил: «А ты и вправду бы кинул гранату и начал бы стрелять из пистолета, если бы это были немцы?» Я ответил: «Да! В плен живым я бы не дался!»

Я еще не сказал им о том, что мне нельзя было попасть в плен, так как у меня в планшетке был список политработников и комсомольцев батальона.

Утром перед рассветом, я пошел по ротам. Мы подходили к границе Чехословакии. Нужно было рассказать солдатам о Чехословакии, об особенностях обращения с гражданским населением.

А пока впереди нас было большое венгерское село Завада.

Село было расположено в котловине между гор. Немцы вышли из села и укрепились на возвышенности за селом. Подойти к ним было практически невозможно. Ни влево, ни вправо, а впереди ровная хорошо простреливаемая местность.

Я наступал с 1-й ротой на левом фланге. Наступали короткими перебежками под сильным артиллерийским огнем. А когда приблизились к немецким окопам, те открыли по нам бешенный винтовочно – пулеметный огонь.

К вечеру полк село взял. Но ночью мы все отошли назад, так как с рассветом немцы и село, и нас всех в селе, просто расстреляли бы.

Однако отошли не все. По каким-то причинам в селе остался прежний мой взвод ПТР, которым теперь командовал младший лейтенант Миронов.

Всю ночь в селе шла пальба. А, когда утром, мы снова взяли село, то увидели на центральной площади города страшную картину. Мои товарищи, бывшие мои подчиненные, с которыми я прошел год войны, были истерзаны и расстреляны в углу площади.

Я стоял перед ними и плакал. Вот они мои боевые друзья.

Вот младший лейтенант Миронов, он даже во время войны умел красиво, даже щегольски, одеваться.

Вот младший сержант Ярошенко, хороший бронебойщик, с орденом Красной Звезды на груди.

Вот боец Грицук с медалью «За отвагу».

И так - весь взвод.

Я медленно прохожу мимо них, а все сочувственно смотрят на меня.

Я даже не заметил, что я плачу. А когда опомнился и увидел, что на меня смотрят, мне даже стыдно стало.

В душе я корил младшего лейтенанта, считая, что по его вине погиб взвод. Не надо быть самонадеянным, как он. Надо быть исполнительным и в рамках своего подразделения еще и инициативным, если инициатива направлена на заботу о подчиненных.

Заместитель командира полка – майор Бенько, подошел ко мне, положил руку мне на плечо, и сказал: «Вот, Прошкин, и расскажи об этих ребятах на митинге!»

Я, конечно, выступил на митинге, рассказал, какие это были бойцы, как они сражались за Родину, и как они тоже хотели жить. Я призвал бойцов полка отомстить немцам за моих товарищей.

Да-а! Заваду мы взяли. Немцы за селом на высотке. Мы не стали задерживаться в селе, а окопались прямо перед немцами.

Завада – небольшое село, всего 50 – 60 дворов. И немцы беспрерывно обстреливали его из минометов.

На второй день меня послали в штаб полка. Замполит предупредил меня, что село обстреливается и чтоб я был осторожнее.

Я вышел к селу. Присел у дерева, наблюдаю, как минометы стреляют, куда мины ложатся.

Ага! Определил, что минометы работают через каждые 5 минут, а стреляют они именно по расположению штаба.

Только закончился залп, я уже рванул к штабу. Прибежал, а там вокруг высокий и плотный забор. Никак не могу внутрь попасть.

Прошли 5 минут. Очередной обстрел. Я залез в сельхозинвентарь, сеялки, бороны и прочее. А где там спрячешься? Это же решетки. И защелкали осколки по железу, и завизжали надо мной. Я от бессилия чуть не плачу — вот в дурацкое положение попал, и спрятаться негде.

Очередной залп закончился. Я – жив! Слава богу! Перескочил забор. Нет, на передовой лучше! Там хоть окоп есть!

Бомбежка.

В БУДАПЕШТЕ

После Завады, мы с юга пересекли границу Чехословакии. Углубились на 30 – 40 километров.

Остановились, окопались, ждем команду – куда дальше идти.

После долгой задержки, нам поступил неожиданный приказ – вернуться в Венгрию. Нас сняли с передовой, посадили на американские грузовые автомобили «Студебеккеры», и быстрым маршем прямо в Будапешт.

Ночью привезли нас в центр города. И целых три дня мы там бездействовали. Появилась возможность оглянуться на жизнь вокруг.

Что меня поразило, так это голод среди населения. На улицах стояли люди, просили хлеба, зазывали к себе. Мы, из жалости к ним, отдавали свои краюхи.

Будапешт состоит из двух частей. На одной стороне Дуная – Буда, на другой – Пешт. Наши войска Пешт взяли, а Буду окружили и пошли дальше.

Немцы, для того чтобы выручить, окруженную в Буде группировку, бросили на этот участок новые силы. Поэтому и нас тоже для усиления наших войск перебросили сюда.

Напрямую с немцами мы столкнулись сразу за Пештом.

Начались тяжелые наступательные бои. Сначала за дома, которые немцы успели захватить, а потом за села и высоты.

На улице зима. Вокруг метет. В окопах сидеть холодно. Зато в бою – жарко!

Мы медленно с боями наступали. Прошел январь. Наступил февраль 1945 года.

Конечно, мы все были уверены в победе. Никто и не сомневался, что мы уже побили гитлеровскую Германию. Но немцы не сдавались. Чем ближе к Германии, тем сильнее они сопротивлялись. Шли очень тяжелые бои, с большими потерями с обеих сторон. Раненые не уходили из полка, зная, что победа близко. И тем обиднее было умирать.

Весь февраль шли непрерывные бои. Мы вышли к озеру Балатон.

Захватили одно село. Заняли позиции. В селе я познакомился с одним русским. Он во время Первой мировой войны попал в плен и остался жить в Венгрии. В настоящее время он работал директором школы, имел 2-х дочерей, внуков. Грамотный, культурный человек. У него дома была большая библиотека. В библиотеке много советских изданий. Даже были тома Ленина и Сталина. Он много спрашивал меня о жизни в Советском Союзе.

Мы пробыли в этой деревне до половины марта, а потом, под давлением танков, мы деревню оставили.

Немцы бросили против нас крупные силы танков и пехоты. После длительной артподготовки и бомбежки, немцы пошли в контратаку.

Пехоту мы сумели отсечь от танков, но танки проскочили нашу линию обороны. Несколько штук их подбили, но остальные с пулеметной стрельбой и стрельбой из пушек наносили нам большой урон.

И такие контратаки следовали одна за другой. Как мы выстояли тогда? Не

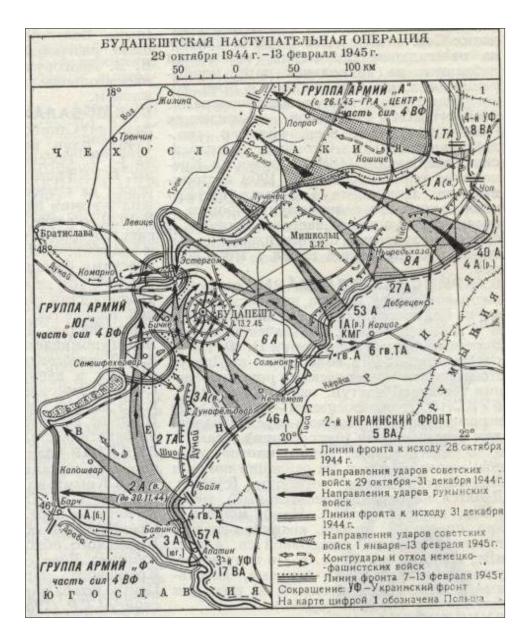
Мне было приказано доставить пакет в штаб полка. Штаб находился в 3-4 километрах от передовой. Рано утром поднималось солнце, было уже тепло. Я шел по лесу, так было хорошо.

Но, вдруг, за кустами я увидел танки. Много танков. Пошел правее, а там скопление артиллерии. Когда пришел в штаб полка и доложил обо всем, что видел, мне сказали, что готовится большое наступление.

Наше наступление началось после громовой артподготовки. Все двинулись вперед.

Мы прошли одно село. Не задерживаясь, пошли дальше. Наткнулись на колонну немецких самоходок. Первый и последний танк были подбиты, а остальные стояли целые. Немецкие танкисты бросили их.

Так мы пересекли границу Венгрии и вошли в Австрию.

Австрия.

В АВСТРИИ

Мы пересекли границу Венгрии и вошли в Австрию.

Местность вокруг гористая. Мы движемся за отступающим противником. Впереди нас идут танки, самоходки, артиллерия.

Вышли к большому монастырю. Дорога проходит рядом с монастырем. По обе стороны монастыря горы. У дороги небольшая горная речка. Никак не пройти!

Две недели упорных боев не принесли нам успеха. Стены монастыря были как крепостные. Во время наших вылазок, мы только теряли своих товарищей.

Пришлось немного отойти назад и обойти монастырь. Окружной дорогой обошли монастырь, оставили его позади себя и дальше пошли по Австрии.

Пока пересекали Альпы, немцы за каждой горой встречали нас усиленным огнем. Поэтому шли все время с боями.

За Альпами началась равнинная местность. Стало немного легче. Во-первых, обзор вокруг увеличился, и можно было ориентироваться. Во-вторых, сопротивление немцев значительно ослабло.

Все знали, что уже загнали зверя в берлогу. И он уже, умирая, сопротивляется. Но, все – равно, весь апрель шли небольшие бои. Бои есть бои, хоть большие, хоть маленькие. Кого-то убивают, кого-то ранят.

Наступил май месяц. Май в Австрии очень теплый и зеленый. Солнце, тихо.

В штабе полка организовали фотографирование наиболее отличившихся бойцов перед развернутым знаменем.

9-го мая был день победы. Но нам об этом не сказали. Впереди нас еще были немцы.

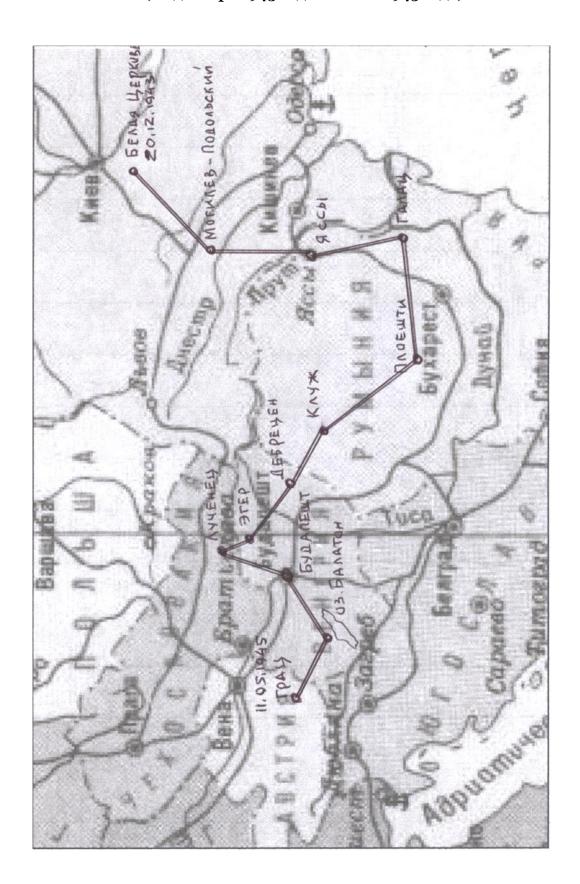
Немцы сопротивления большого нам, правда, не оказали. Они ушли к союзникам.

А мы взяли город Грац и на этом закончили свою войну.

Мы победили! Ур-р-а-а-а!!!

Боевой путь Прошкина Ивана Ефимовича (20 декабря 1943 года – 11 мая 1945 года)

ИЗ ФРОНТОВОГО АЛЬБОМА

1945 год. С боевыми друзьями.

Иван Ефимович Прошкин – 1946 год.

возвращение домой

Войну я закончил в городе Граце в Австрии.

Три дня мы отдыхали, а потом стали собираться домой. Провели собрание - как будем идти?

Железная дорога загружена до предела. Автомобильного транспорта у пехоты нет. Подвод с лошадями на всех не хватит. Разработали план похода через города и села Австрии, Венгрии и Румынии, через Альпы и Карпаты.

Было введено правило: через населенные пункты шагать бодро и с песнями.

И – пошли. Три дня пешего хода, четвертый день – отдых.

Когда шли через Будапешт, у дома венгерского правительства нас приветствовал Климент Ефремович Ворошилов.

Шли через города и деревни всей Западной Европы. Местное население встречало нас уже как победителей, поэтому и усталости не было. Быстрее – домой!

Когда подошли к городу Яссы, то с южной стороны города увидели новое кладбище. На памятнике было написано: «Здесь похоронены воины 3-й гвардейской дивизии». Прочитали и удивились — надо же, у нас была 3-я гвардейская дивизия и у румын тоже. Воевали на этом месте друг против друга и не знали этого.

За городом мы отдохнули, покупались в реке Прут и двинулись на север к городу Тульчину Винницкой области.

Здравствуй Россия!

Дальше Тульчина мы не пошли. Нас распределили по населенным пунктам, и мы стали ждать приказа о расформировании.

Наш 10-й гвардейский полк разместился в селе Ободовка. Началась размеренная, армейская жизнь с ее распорядком дня, боевой и политической подготовкой, с нарядами и караулами.

Только через несколько месяцев пришел, наконец-то, приказ о расформировании дивизии.

Меня с группой офицеров направили в штаб 27-й армии в Винницу, для продолжения службы.

Из штаба армии нас направили в город Львов, где дислоцировался штаб Прикарпатского военного округа.

Для того, чтобы добраться до Львова, нужно было попасть вначале на станцию Жмеринка. Пришли на станцию, смотрим — стоит поезд, битком набитый людьми. Даже ступени все заняты. Мы оперативно забрались на крышу вагона и только устроились поудобнее, как нас снял оттуда военный патруль.

Нас привели в комендатуру, приказали привести себя в порядок – помыться, почиститься, подшить новые подворотнички, погладиться. Нам сказали, что завтра нам подадут специальный воинский эшелон с офицерскими вагонами.

Так и получилось. Утром мы заняли места в вагоне для офицеров. Но желающих ехать было настолько много, что и наш вагон был переполнен.

Ехали во Львов с приятным приключением. В соседнем купе женщина внезапно стала рожать. Забегали, засуетились. То - дайте воды! То - дайте чистый платок! Я отдал свой чистый наглаженный платок.

Через некоторое время к нам в купе заглянула какая-то женщина, сказала спасибо за платок и спросила, как меня зовут. Я ответил: «Ваня!» Женщина еще раз поблагодарила меня, сказала, что роды прошли успешно, родился мальчик и его мама хочет назвать его Иваном, как и меня. Я пошел посмотреть на моего новорожденного тезку. Хороший мальчишка родился, как и я!

Недоезжая до Львова, нас остановили. Слева и справа возле путей на боку лежали вагоны вчерашнего пассажирского поезда. Оказалось, что в тылу нашей Родины, вовсю свирепствовали банды украинцев-бандеровцев. Как хотелось оставить все, чтобы отомстить этим предателям. Но, после ремонта пути, мы проследовали дальше.

В штабе округа скопилось много офицеров. Я, подождал своей очереди, и вошел в один из кабинетов.

Подполковник, сидевший за столом, сразу спросил меня, читал ли я художественную литературу. Я ответил, что читал. Назвал «Таинственный остров» Жюль-Верна, назвал других писателей.

«Хорошо, хорошо, - сказал он, - а, читали ли вы русских писателей. Например, «Война и мир» Льва Толстого?» Я, конечно, соврал, сказав, что читал. Он спросил, а кто герои романа? Я назвал ему Кутузова, Наполеона, Мюрата и еще кого-то.

«Хорошо, хорошо, а что вы думаете о семье Ростовых, Волконских о Пьере Безухове?»

Тут я ему наговорил, что я на фронте не чтением книг занимался, а воевал. Подполковник попросил меня выйти и подождать.

Через некоторое время он опять пригласил меня в кабинет и спросил – хочу ли я служить дальше в Советской Армии?

Я дал согласие и был направлен в город Бар Винницкой области, где стоял 375 гвардейский стрелковый полк 15 гвардейской Харьковской — Пражской дважды Краснознаменной дивизии. Штаб дивизии стоял в Жмеринке. При штабе была очень хорошая библиотека. И я за 30 километров стал ходить из Бара в Жмеринку в библиотеку и прочитал практически всех русских писателей.

После того, как я устроился в новой для меня жизни, я написал домой письмо. Описал, как я теперь живу.

Я знал, что моя мама с сестрами Валей и Надей временно жили на квартире, так как наш дом сгорел после бомбежки 20 июля 1942 года. В ответ я получил неутешительное письмо. Валя писала мне, что она работает лаборанткой на заготзерно, что мама после бомбежки тяжело болеет, а Надюшка еще несовершеннолетняя.

Я позвал их к себе, с надеждой, что как – нибудь устроимся, как – нибудь проживем. Стал готовиться к встрече.

Шел ноябрь 1946 года. Первый послевоенный год. Самый тяжелый.

Так получилось, что я выбрал себе квартиру возле еврейского кладбища, где фашистами было расстреляно и захоронено 12 тысяч евреев. В этой квартире я и собирался жить со своей семьей.

Я питался в полковой столовой и получал зарплату 1250 рублей. В то время это была очень большая зарплата. Насколько я знал, столько же получал и секретарь райкома партии, и председатель районного исполкома.

Командир полка нас — молодых офицеров, строго воспитывал и всегда говорил: «Соблюдайте офицерскую этику! Будьте примером для солдат!»

В конце ноября 1946 года приехали мои родные – мама и две сестры. Пока они раздевались и мылись с дороги, я заглянул в их небольшую котомку, которую они привезли с собой. Там была одна алюминиевая чашка и три таких же ложки, прикрытые платками.

В первую же ночь мы все чуть не погибли от угара, так сильно натопили вечером печь углем.

Мать и меньшую сестру я поставил на иждивение в воинскую часть. Старшая сестра пока не работала.

Я приносил домой старые подшивки газет, мать продавала их и гордилась, что она тоже копейку зарабатывает.

Только стали хорошо жить, как пришел приказ о вызове лейтенанта Прошкина в штаб округа. Поехал во Львов.

В отделе кадров со мной беседовал уже другой подполковник: «Товарищ лейтенант, у вас какое образование?» - «Семь классов. Но я готовлюсь для поступления в офицерское училище!»

Подполковник посмотрел на меня и сказал: «Вы понимаете, что в Советской Армии нужны офицеры с высшим образованием?» - «Понимаю!» - «Поэтому мы направляем вас на учебу в Ленинградскую партийную школу!»

Вместо того, чтобы обрадоваться, я – скис. Подполковник, видя мое настроение, спросил меня: «В чем дело?»

Я рассказал ему о положении моей семьи, что они погибнут без меня и мне нельзя их теперь бросить.

Подполковник посочувствовал мне, но ничем помочь не смог. Поэтому он предложил мне написать рапорт об увольнении по семейным обстоятельствам.

Так, неожиданно, закончилась моя военная служба.

Я до весны сдавал имущество клуба, библиотеку. Потом пришел приказ о моем увольнении.

Что делать?

Я пришел в райком партии, рассказал о себе и о создавшейся обстановке. Там мне предложили работу уполномоченного по сбору сельскохозяйственных продуктов. Эта работа мне не понравилась, тогда мне предложили должность председателя сельского совета депутатов трудящихся села Войнашовка.

На общем собрании меня избрали председателем совета.

В сельский совет входило два села – Войнашовка и Пляцино, станция Бар, маслозавод, нефтебаза, заготзерно, средняя школа. И началась для меня новая жизнь: организация подписки на Государственные заемы, обложение сельско-хозяйственными налогами и так далее.

Я собрал партийно-комсомольский актив, рассказал им о необходимости всей этой работы и попросил у них помощи.

Секретарем комсомольской организации была очень красивая и деятельная девушка – Лида Крикливых. У Лиды был большой опыт работы с пионерами и молодежью. Вскоре Лидия Андреевна стала мне активно помогать, а 28 августа 1948 года мы с ней поженились.

16 октября 1949 года у нас родился сын – Валерий.

Свою работу я сумел организовать хорошо. Наш сельский совет первым в районе выполнял планы по Государственным займам и сдаче сельскохозяйственных продуктов.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Фото 1949 года. Молодежно – комсомольское звено колхоза «КИМ». Сзади – председатель сельсовета Иван Прошкин.

Фото 1955 года. С женой Лидой и сыном Валерием.

ВЕРХНЯЯ САЛДА

В 1952 году родители моей жены уехали на работу в Верхнюю Салду, а в 1953 году за ними в Салду переехала и моя семья.

Начался новый этап моей жизни.

В Верхней Салде я поступил работать во 2-й цех 519 завода, и стал бригадиром электропечей по отжигу медных, латунных и никелевых сплавов.

В этом же году я пошел учиться в 7-й класс, чтобы подготовиться к поступлению в техникум. Но продолжил обучение в школе и в 1957 году окончил 10 классов вечерней школы.

В 1955 году у нас родилась дочь Людмила. Но я не бросил учебу, поступил в авиаметаллургический техникум и в 1963 году окончил его.

После окончания техникума получил должность мастера холодной прокатки во 2-м цехе.

20 октября 1975 года к 30-летию Победы мне было присвоено звание «старший лейтенант запаса», а 26 апреля 2000 года к 55-летию Победы – звание «капитан».

В марте 1968 года меня избрали членом Совета ветеранов Великой Отечественной войны и поручили мне комиссию по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

В этом же году я получил задание от партийной организации 2-го цеха возглавить общественный совет коммунистов 3-го микрорайона в Верхней Салде.

И началась моя активная общественная работа, в которой я участвую и до сих пор.

Общественный совет был создан для разъяснительной работы политики партии и Правительства населению по месту жительства и для оказания помощи уличным комитетам. В наш совет входило 5 коммунистов от 2-го цеха и 5 коммунистов по месту жительства.

В центре 3-го микрорайона на улице Береговой, возле дома 31, в котором жил Ветеран Великой Отечественной войны Константин Константинович Кузнецов, была построена агитплощадка, со сценой и скамейками для сидения. В период проведения мероприятий на площадке вывешивались красные флаги и плакаты, выступали коллективы художественной самодеятельности, лекторы читали лекции о событиях того времени. Вечером показывались кинофильмы. В соседних дворах были устроены торговые точки, для торговли промтоварами и продуктами.

На мероприятия собиралось много народа с соседних улиц. Праздничные гуляния и песни длились до поздней ночи.

С началом демократических преобразований в стране, агитплощадку закрыли и растащили. Теперь на этом месте загромоздил улицу чей-то хозяйственный двор.

В 1990 году я был избран в городской совет депутатов трудящихся.

В 1993 году была учреждена самостоятельная организация ветеранов Великой Отечественной войны ВСМПО. Первым председателем совета организации был избран Зуев Василий Иванович, бывший начальник цеха № 9 ВСМПО. На день создания организация насчитывала 535 человек.

В 2000 году я был избран председателем совета ветеранов Великой Отечественной войны ВСМПО и членом президиума городского совета ветеранов.

Идут годы, все меньше становится ветеранов войны. Но мы, как можем продолжаем работу по оказанию помощи друг другу, ведем работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Фото 1963 года.

Фото 1973 года. Члены партийного комитета ВСМПО.

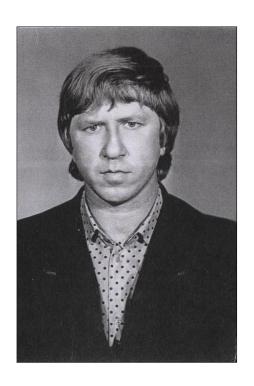
Фото 1975 года. В День Победы на городской площади.

Фото 1982 года. С руководством ВСМПО.

Фото 1983 года. Иван Ефимович и Лидия Андреевна Прошкины.

Валерий и Людмила Прошкины.

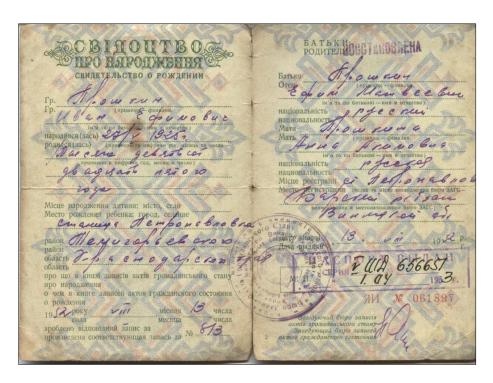

B совете ветеранов $BCM\Pi O$.

В совете ветеранов Верхней Салды.

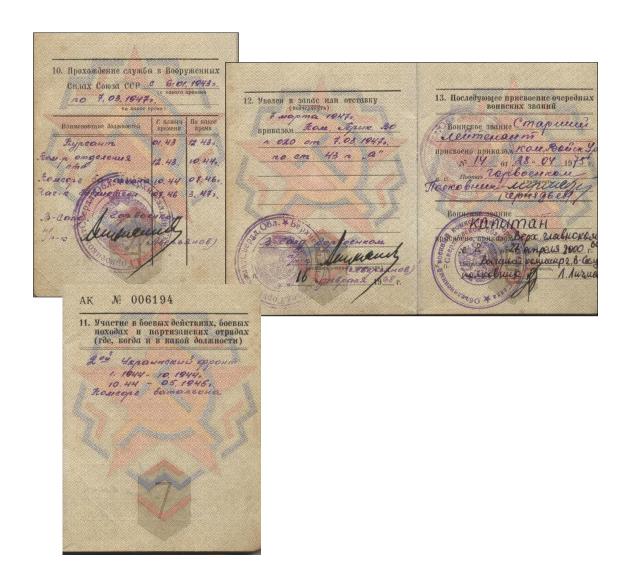
ИЗ АРХИВА ИВАНА ЕФИМОВИЧА ПРОШКИНА

Свидетельство о рождении. Иван Ефимович родился 27 мая 1925 года на станции Петропавловка Темигорьевского района Краснодарского края. Отец – Прошкин Ефим Матвеевич, мать – Прошкина Анна Акимовна.

Военный билет Ивана Ефимовича.

Данные о прохождении службы, об увольнении из рядов Вооруженных Сил, о присвоении очередных воинских званий, об участии в боевых действиях.

За участие в Великой Отечественной войне Иван Ефимович Прошкин награжден: орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», медалью Жукова, юбилейной медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР», юбилейной медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР», юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР», юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», юбилейной медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», юбилейной медалью «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», юбилейной медалью «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», юбилейной медалью «Пятьдесят пять лет победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 г.г.», юбилейной медалью «120 лет И.В.Сталину», юбилейной медалью «15 лет ОООИВА», памятной медалью «90 лет Великой Октябрьской социалистической революции», памятной медалью «90 лет Советских Вооруженных Сил», знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», знаком «Фронтовик. 1941 – 1945»

Жена Ивана Ефимовича Прошкина — Лидия Андреевна награждена: медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100 — летия со дня рождения В.И.Ленина», медалью «Ветеран труда», юбилейной медалью «50 лет победы в Великой отечественной войне 1941 — 1945 гг.», юбилейной медалью «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», знаком «Победитель соцсоревнования 1973 года».

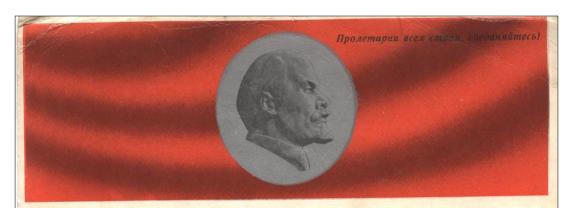
За трудовую деятельность Иван Ефимович Прошкин награжден: юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», медалью «Ветеран труда», знаком «Победитель соцсоревнования 1973 года» и знаком «Победитель соцсоревнования 1975 года».

RAHTIPOT TPAMOTA

Верхнесалдинский ГК КПСС награждает общественный совет цеха № 2 металлообрабаты-вающего завода (председатель ПРОШКИН Иван Яковлевич) за большую политико-воспитательную работу, проводимую по месту жительства.

секретарь гк кисс фот (бортнов а.н.)

18 октября 1974 года

Свердловская секция Советского комитета ветеранов войны награждает

ПРОШКИНА

ИВАНА ЕФИМОВИЧА

За активную работу по пропаганде боевых традиций

Советских вооруженных сил и военно-патриотическому

воспитанию молодежи.

Ю.М.Сафронов

А.Я.Лисицкий

« 9» Мая 1975

ВЕТЕРАНУ Великой Отечественной

ПРОШКИНУ Ивану Ефимовичу -

сборщику-сортировщику цеха № 2

в честь 45-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне ВАШ ПОРТРЕТ

совместным постановлением дирекции и профсоюзного комитета Верхнесалдинского металлургического производственного объединения имени В. И. Ленина

ооъединения имени В. И. Ленина
занесен на аллею ТРУДОВОЙ СЛАВЫ.
Примите нати сердечные поздравления с этой знаменательной датой, нашу признательность и благодарность за
доблестно выполненный священный долг советского солдата с оружием в руках отстольшего независимость нашей Родины. Желаем Вам и Вашим близким доброго здоровья, счастья

и новых трудовых успехов.

Генеральный директор

АЛЕКСАНДРОВ

MAR, 1990 ron

УВАЖАЕМЫЙ ИВАН ЕФИМОВИЧ!

В связи с Вашим юбилеем 80-летием со дня рождения, примите самые теплые и сердечные поздравления от руководства и всего коллектива ОАО «Корпорации ВСМПО-АВИСМА».

Ваши молодые годы связаны с Великой Отечественной войной, где Вы на фронтах боролись за независимость нашей Родины. После войны вся Ваша сознательная трудовая жизнь была отдана восстановлению разрушенного сельского хозяйства и родному предприятию, где Вы проработали 40 лет.

Работая на заводе, Вы успешно сочетали производственную деятельность с общественной, являясь членом Совета ветеранов Великой Отечественной войны, а с 1999 года возглавили ветеранскую организацию, где и по сей день выполняете обязанности председателя.

Своим неутомимым трудом, желанием улучшить патриотическую работу с молодежью Вы снискали себе глубокое уважение у подрастающего поколения.

Ваша военная и трудовая деятельность по достоинству оценена Отечеством. Вы награждены орденами и медалями.

Мы высоко ценим Ваш богатый жизненный опыт, целеустремленность, что помогает Вам воплощать в жизнь намеченные цели.

В день знаменательного юбилея желаем Вам, дорогой Иван Ефимович, доброго здоровья, долгих и плодотворных лет жизни и большого личного счастья.

Г. ВЕРХНЯЯ САЛДА СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ, ТРУДА, ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МО "ВЕРХНЕСАЛДИНСКИЙ РАЙОН" ЧЛЕНУ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ ОАО "ВСМПО" ПРОШКИНУ И.Е.

Уважаемый Иван Ефимович!

Доброй традицией стало наше общение в День Вашего рождения!

От имени Губернатора и Правительства
Свердловской области примите
поздравления с этим праздником!
Искренне желаю плодотворной, счастливой
и обеспеченной жизни! Уверен, что для Вас
Жизнь – это мечта, и Вы осуществите ее!
Жизнь – это любовь, и Вы наслаждаетесь ею!
Жизнь – это богатство, и Вы дорожите им!
И пусть Ваша жизнь будет наполнена
гордостью за прошлое, уверенностью
в настоящем, верой в будущее!

С уважением, Управляющий Горнозаводским округом, член Правительства Свердловской области

В.Ф. Бок

28 мая 2008 года

Благодарственное письмо

Дорогой товарищ Ярошкин Иван Едоиновик!

Сердечно благодарю Вас за большую работу в избирательной кампании и поддержку меня как кандидата на должность Президента России.

Итоги голосования еще будут обсуждаться и анализироваться, но безусловно одно: единственной силой, реально способной изменить положение большинства граждан России к лучшему, является Коммунистическая партия Российской Федерации - стержень народнопатриотических сил страны. И порукой тому - самоотверженный труд и вера в победу патриотов каждого из многих миллионов наших избирателей, и в первую очередь коммунистов, работников партийных комитетов, избирательных штабов, агитаторов, наблюдателей и членов избирательных комиссий.

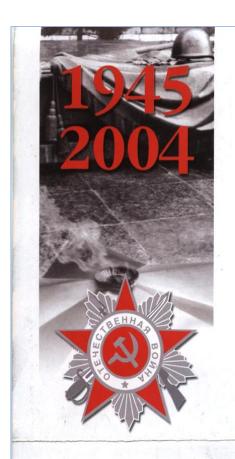
Уверен, что результат, достигнутый нами на этих выборах, позволит нам активнее защищать идеалы социальной справедливости и дружбы между народами.

Zeora evol

Здоровья и успеха Вам, Вашим родным и близким.

С уважением,

Председатель ЦК КПРФ Г. А. ЗЮГАНОВ

ПРОШКИН ИВАН ЕФИМОВИЧ УЛИЦА З ИНТЕРНАЦИОНАЛА, д.113, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛ., Г.ВЕРХНЯЯ САЛДА 624760

F350066W_29 88

00839661

Иван Ефимович!

Примите мои сердечные поздравления с Днем Победы! На долю вашего поколения выпали суровые годы Великой Отечественной. Вы с честью выстояли в самой страшной в истории человечества войне и спасли мир от нацизма. Подвиг воинов-победителей, Ваш подвиг, стал ярчайшим примером беззаветного служения Отечеству и любви к Родине.

Мы свято чтим память героев и искренне благодарны всем, кто отстоял нашу свободу.

Низкий Вам поклон. И вечная слава тем, кто отдал жизнь во имя Отчизны.

Доброго Вам здоровья и благополучия.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Bymm

В.В. ПУТИН

ПАМЯТЬ

Иван Ефимович Прошкин был одним из солдат Великой Отечественной войны, а их были миллионы.

Миллионы жизней, миллионы подвигов, миллионы смертей за свободу и независимость Родины!

И не было в Советском Союзе ни одного населенного пункта, из которого бы не ушел солдат на фронт.

Только с нашей салдинской земли на защиту Родины ушло около 10 тысяч человек. Они защищали Москву, обороняли Ленинград, громили фашистов в Сталинградской битве, проявляли стойкость и мужество во всех больших и малых сражениях, штурмовали Берлин.

Пятеро салдинцев стали Героями Советского Союза. Многие были награждены орденами и медалями за личные подвиги и вклад в общую Победу.

Вечная слава победителям!

Но, каждый четвертый салдинец не вернулся домой.

3403 человека погибли в ходе боевых действий, умерли от ран и болезней, погибли в плену, пропали без вести.

Вечная память погибшим!

Иван Ефимович Прошкин вернулся с войны с двумя ранениями.

Всей своей дальнейшей жизнью он продолжил победную борьбу за восстановление нашей Родины.

Воевал, работал, учился, занимался общественной деятельностью, все свои силы отдавал на благо общества, всегда был в активе передовиков.

Слава не приходит сама по себе. Ее надо заслужить!

Иван Ефимович Прошкин заслужил свою славу среди молодежи, жителей нашего города и ветеранов!

Потому и создал я ему эту книгу – память!

Автор и оформитель книги – Александр Сергеевич Кузнецов. Верхнесалдинский краеведческий музей. Клуб «Родовое гнездо». 2008 год.